

Л. Р. Павлинская

**ОСОБЕННОСТИ РУССКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ СИБИРИ
(XVII — начало XVIII в.)
Вместо предисловия**

Этнокультурные взаимодействия народов определяют весь ход всемирной истории. Народ, оказавшийся в изоляции, лишается возможности развития и в конце концов впадает в состояние стагнации. Примеров этому достаточно много. Однако история основной части нашей планеты на протяжении тысячелетий представляла собой постоянное движение народов, порождающее сложное переплетение их судеб. В движении этом исчезали с исторической арены одни народы и появлялись другие, возникали и гибли государства и великие империи, что и составляет собственно историческое бытие земной цивилизации.

Важнейшей составляющей этого движения были процессы, которые в науке получили название колонизационных, то есть процессы освоения людьми новых территорий. Одной из фаз всемирной истории явилась эпоха Великих географических открытий, определившая наступление Нового времени. Начавшись в конце XV — начале XVI столетия, она породила самый мощный процесс колонизации в истории нашей планеты. Европейцы нарастающим потоком двинулись в пределы Америки, Африки, Южной и Юго-Восточной Азии, Австралии, островов нескольких океанов. В ряду этих событий ми-

ровой истории важное место занимает и движение русских с севера Восточно-Европейской равнины на юг, юго-восток и восток евразийского континента, которое не только открыло миру Северную Азию, но к середине XIX в. **объединило в границах единого государства одну шестую часть суши с многочисленными населяющими ее народами.** В этом заключается одно из существенных отличий русской колонизации от колонизации, предпринятой народами Западной Европы. В последнем случае вновь занятые европейцами территории были отделены от метрополий огромными пространствами океанов и морей, что во многом определило и восприятие ими новых земель, и отношение к коренному населению, и главное — будущее как колоний, так и самих метрополий. В то же время именно преодоление океанских просторов и открытие европейцами новых континентов дали название эпохе Великих географических открытий. Отсутствие же этих составляющих в продвижении русских в пределы Северной Азии, представивших миру ее огромные пространства, долгое время, вплоть до XX века, не воспринималось мировой научной общественностью как явление такой же значимости в истории Нового времени, как географические достижения народов Западной Европы.

Второй не менее важной особенностью колонизации русскими огромной части евразийского пространства являлось то обстоятельство, что они, как, впрочем, и их предки — славяне Древней Руси, были не только знакомы со многими народами этой территории, но и находились с ними в достаточно тесном этнокультурном взаимодействии. Более того, их часть влилась в состав русского народа, приняв активное участие в его этногенезе, так же как и русские серьезно повлияли на процессы формирования многих народов, вошедших в состав Российской империи. Что же касается освоения других континентов народами Западной Европы, то только испанцы и португальцы спровоцировали на занятых ими американских территориях этногенетические процессы, втянув в них коренное население, что привело к появлению на исторической арене таких народов, как мексиканцы, аргентинцы, боливийцы и т.д. Однако эти процессы во многом отличались от этногенетической ситуации на пространстве, колонизированном русскими, о чем подробнее сказано ниже. Англичане и французы, приняв основное участие в фор-

мировании американской, канадской и австралийской наций и создав на этих территориях сильные государства, не только полностью отстранили от этого коренное население, но и во многом способствовали стагнации этногенетических и этнокультурных процессов в его среде [Малаховский 1980; Фостер 1955].

И, наконец, третье различие между западноевропейской и русской колонизациями заключается в принципах освоения новых земель: в собственности на землю, формах административно-территориального управления, специфике экономических, этнических, социальных и духовных контактов с коренными народами.

Есть и еще одно отличие, также оказавшее значительное влияние на особенности русской колонизации, — Московское государство, начав освоение гигантского евразийского пространства, не имело в этом деянии соперников. Ни на русском севере, ни на юге, ни на востоке оно не сталкивалось с интересами сильных держав. Лишь на юго-востоке его движение натолкнулось на противостояние маньчжурского Китая, однако это не вызвало серьезного военного конфликта, и две державы «успокоились» в определенных естественных географических границах. Некоторое исключение представляет Аляска, в пространство которой на волне этногенетического подъема «выплеснулось» Российское государство. В то же время остальная часть нашей планеты, подвергшаяся колонизации европейских государств, в определенной степени представляла собой, особенно в XVI–XVII вв., калейдоскоп различных европейских владений, за которые в XVIII–XIX вв. между этими державами развернулась серьезная политическая, экономическая и военная борьба. Эта борьба наглядно отразилась в рисунке границ многих современных государств Америки и Африки, бывших европейских колоний, который представляет собой абсолютно прямые линии, как бы проведенные по линейке, что свидетельствует о переделе колониальных владений.

В настоящей статье основное внимание уделено именно различиям русской и европейской колонизаций, так как в последние десятилетия возросший интерес к сравнительному анализу этих явлений сосредоточен главным образом на выявлении сходства колониационных процессов, а их различия рассматриваются только

в некоторых исследованиях, но при этом, к сожалению, в них отсутствуют многие существенные моменты. Создается впечатление, что большинство отечественных авторов до сих пор продолжают доказывать равное значение колонизации Америки и Северной Азии в мировой истории.

Эта тенденция уходит корнями в глубокое прошлое. Подобный анализ истории сравнительного изучения колонизации Америки и Северной Азии дан в монографии Ю. Г. Акимова «Северная Америка и Сибирь в конце XVI — начала XVIII в. Очерк сравнительной истории колонизаций» (2010). Автор рассматривает данную проблему на основе большого количества источников, выявляя основные тенденции в осмыслении колонизационных процессов на американском континенте и в Северной Азии в западной и отечественной научной литературе за последние два столетия. Согласно его выводам, в европейских и американских исследованиях колонизация Сибири лишь упоминается как явление, близкое колонизации европейских государств. Сама же европейская колонизация хотя и раскрывается в широком диапазоне явлений, тем не менее ее осмысление устойчиво связано с идеями как «просвещения дикаря» и важной роли «европеизации» коренного населения в «развитии» цивилизации, так и прогрессивного значения освоения этих территорий для мировой экономики. Что касается российской науки, то здесь сравнительный анализ того и другого процессов представлен гораздо шире и подробнее, но в то же время окрашен меняющейся на протяжении истории государственной и общественной идеологией [Акимов 2010: 3–27].

Идея сходства колонизаций Сибири и Нового Света возникает в России в начале XIX в. и, претерпевая определенные изменения, сохраняется до наших дней. До середины этого столетия она преподносилась в несколько восторженном и идеализированном виде, в чем проявлялось стремление подчеркнуть равенство России и ведущих государств Европы [Там же: 12–14]. С середины XIX в. возникает тенденция к жесткой критике форм и методов колонизации Сибири, основанной на ее сравнении с Соединенными Штатами Америки, в частности речь идет об отставании от США в экономическом развитии. Наиболее значимую роль в этом направлении играли пред-

ставители научной элиты Сибири — Н. М. Ядринцев, Г. Н. Потанин, М. З. Загоскин, С. С. Шашков и др. [Ковалышкіна 2005: 151–175; Сибирское областничество... 2001: 151–157; Ядринцев 1892: 198–201]. Именно в их трудах наиболее гневно прозвучали обвинения в колониальном гнете сибирских народов, хищническом отношении к богатству этого края в адрес России. Более того, впервые Сибирь была обозначена как колония России и вслед за этим — положение о возможности ее автономии по примеру США. Несмотря на яркость и научную значимость трудов этой плеяды сибирской интеллигенции, содержащих огромный объем исторической и этнографической информации, сравнительный анализ конкретных сибирских и американских реалий, базирующийся на идеалах народничества, находился на уровне скорее декларативных высказываний, чем научного анализа

Однако взгляды «областников» на автономию Сибири как «бывшей царской колонии» продолжали будоражить умы интеллигенции и в первой четверти XX в. Отношение к Сибири исключительно как к российской колонии (с вытекающей отсюда критикой всей политики царского правительства) сохранялось в отечественной исторической литературе до начала Великой Отечественной войны. Марксистский подход к анализу истории Сибири Нового времени, с одной стороны, опирался на оценку представителей сибирского областничества в отношении «хищнического ограбления» ее коренного населения и природных ресурсов, с другой — Россия, как и европейские государства, рассматривалась как типичная колониальная держава, прошедшая стадии первичного накопления капитала, капитализма и империализма [Косвен 1925; Драбкина 1930; Окладников 1937; Токарев 1940].

В послевоенный период в отечественной исторической литературе отношение к колонизации Сибири меняется. Рождается новая концепция — присоединения Сибири или ее вхождения в состав Российского государства. Такие термины, как «завоевание» и «колония», употребляются мало, смягчается оценка «хищничества» царской политики и на первый план выступает прогрессивное влияние русского народа и русской культуры на коренное население региона [Окладников 1951: 138 и др.; История Сибири 1968: 10 и сл.].

Интерес к проблеме положения Сибири в составе Российской империи четко наметился в постсоветской исторической литературе. Она достаточно обширна и отражает необычайно широкий диапазон научных взглядов. Дать анализ всех современных концепций не представляется возможным, это требует отдельного исследования. Отметим лишь главные тенденции в подходе к рассмотрению данной проблемы.

Один блок представляют работы, в которых утверждается, что «следует решительно отвергнуть встречающиеся в зарубежной исторической литературе попытки отождествлять связи России со странами Азии (включая и Сибирь. — Л. П.) с традиционной колониальной политикой европейских стран» [Очирова 1994: 139]. Другой блок констатирует, что «азиатская Россия представляла для Русского государства то, каким для европейских держав являлась Америка» [Алексеев и др. 2004: 19]. Оба блока представлены научными статьями, в которых затрагиваются те или иные аспекты колониционных процессов. В третий блок входят работы монографического характера, в которых в сравнительном ключе рассматривается широкий круг вопросов, связанных с методами колонизации, спецификой экономического развития, демографией, ролью религиозного фактора и др. Среди них следует выделить работы сибирских историков — Д. Я. Резуна и М. В. Шиловского. Им принадлежит серия статей и несколько монографий, но так как методика исследования во всех работах практически одинаковая, то можно остановиться только на одной из обобщающих работ — «Сибирь, конец XVI — начало XX в.: фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов» (2005). Основные выводы авторов сводятся к тому, что главными особенностями русской колонизации, в отличие от западноевропейской, являются: 1) географическая интегрированность национально-государственной территории; 2) отсутствие четко выраженных культурно-исторических различий между метрополией и колониями; 3) основной метод колонизации основан на военном захвате; 4) на протяжении всей истории Сибирь воспринималась властью (самодержавной, коммунистической, демократической) только сырьевым придатком России [Резун, Шиловский 2005: 191].

Однако, несмотря на достаточно широкий круг анализируемых процессов русской и европейской колонизаций, не все выдвинутые авторами положения можно принять безоговорочно, особенно это касается анализа европейской колонизации Северной Америки. Так, целый блок колонизационных процессов рассматривается во временных рамках, с одной стороны, Сибири XVII в., с другой — территории США перед Войной за независимость, что образует определенные перекосы исторической реальности. Более того, вызывает некоторые сомнения, вопросы позиция авторов в отношении социально-экономического развития колониальных владений европейцев в Америке (и в других регионах мира) и русских в Сибири (и шире — в Азии). «Так, для развития рынка как основы цивилизации всегда важен ассортимент товаров, который присутствует на нем. И в этом плане американцы могли предложить друг другу или другим чрезвычайно емкие, дорогие и имеющие большой спрос товары. Если попытаться обобщить и выделить самые ходовые товары на американском рынке, которые способствовали быстрому обращению капитала и, следовательно, придавали особый динамизм американской жизни, то это хлеб, хлопок (потом еще виргинский табак) и рабы. Вот альфа и омега американской экономики колониального периода» [Там же: 119].

Тем не менее товарный хлеб, хлопок и табак выращивались на плантациях юга, и в основе их товарности лежал труд рабов, вывезенных из Африки. В XVI–XVIII вв. работорговля была самой прибыльной отраслью торговли. Она же ввиду высокой смертности среди африканского населения на плантациях, что требовало постоянного притока новой рабочей силы, более всего способствовала быстрому обращению и накоплению капитала, а это в свою очередь стимулировало развитие всех отраслей сельского хозяйства и промышленности. В этой «благородной» торговой деятельности начиная с середины XV в. участвовало большинство европейских стран — Португалия, Англия, Испания, Франция, Нидерланды, Дания, Германия. Общее количество африканских рабов, поступавших в колонии Америки в течение этих столетий, не поддается исчислению, но о ее масштабах можно судить по следующим данным. По официальным источникам, в начале XVI в. на острова Вест-Индии

только Испания в год ввозила 4 тыс. рабов. В 40-х годах того же столетия из Западной Африки вывозилось до 10 тыс. человек — здоровых мужчин и женщин в возрасте от 15 до 30 лет. По приблизительным данным, за вторую половину XVII в. в европейские колонии на американском континенте поступило не менее 500 тыс. африканских рабов [Абрамова 1966: 19–21, 35]. В течение XVIII в., по данным официальной статистики, только на Ямайку было ввезено 610 тыс. африканцев, на Барбадос — 243 тыс. [Там же: 54]. Таким образом, Д. Я. Резун и М. В. Шкловский при анализе экономического развития американских колоний не указали основную причину столь быстрого роста здесь капитала, торговли, внутреннего рынка и всей экономики.

Обращаясь к Сибири, авторы приходят к следующему выводу: «Таких товаров в Сибири просто не было (хлопок), или мы не могли найти их эквивалент, хотя теоретически вроде бы они у нас были (рабы, хлеб). Хлеб у нас был в Сибири, но в силу ряда причин, о которых речь пойдет ниже, он не мог в домануфактурный период стать полноценным товаром. При этом не следует забывать, что хлеб в России — это еще один из видов “государева” жалования: государство чаще всего (и во все времена), не имея денежных средств выплачивать заработную плату своим служащим, предпочитало натуральные выплаты — хлебное жалование (по аналогии: право льготного проезда, оплаты квартир и т.д.). Сбывать хлеб близким соседям — Китаю, Монголии, Средней Азии — невозможно, ибо там другой продовольственный рацион. Остается одно: рабы, которых вроде бы можно было бы найти в Сибири. Но этот рынок сбыта также ограничен, ибо у нас существовал огромный рынок крепостных, дворовых людей. Да и, самое главное, широкая продажа аборигенов в частные руки подорвала бы “государеву” казну, ибо они поставляли ясак, пушнину. Получался замкнутый круг» [Резун, Шиловский 2005: 119–120].

Таким образом, с точки зрения Д. Я. Резуна и М. В. Шиловского, медленное развитие торговли и общей экономики Сибири было вызвано неимением такого «емкого» товара, как хлопок, и, главное, отсутствием рынка работорговли. С последним трудно не согласиться. Что касается эквивалентного товара, то в течение почти двух веков

таким товаром была пушнина, которая шла и в Китай, и в Европу. Конечно, она не была продуктом интенсивного сельского хозяйства, для мощного развития которого в Сибири не было достаточного количества пригодных земель и необходимого числа рабочих рук. И климат Сибири, и характер почв, и сохранение исконных территорий за коренным населением, и отсутствие крупного частного землевладения и рабского труда естественным образом определяли особый ход развития сибирской экономики. Что касается «огромного рынка крепостных», то его вообще не было. Продавали не крепостных (это случалось достаточно редко), а имения, деревни, то есть земли с находящимся на них зависимым крестьянским населением, что не соответствует понятию «рынок», как в случае с рынком рабов на американском континенте.

Что касается «хлебного жалования», то эта система при недостаточном развитии в Сибири в XVII в. земледелия была наиболее рациональной, так как денежное жалование не могло обеспечить жизненные потребности ввиду медленного развития товарного производства по вышеуказанным причинам. Реплика авторов по поводу бесплатного проезда, предоставление которого касалось в том числе и представителей органов правопорядка, тоже была объективно оправданной, так как обеспечивала быстроту действий.

Серьезные замечания вызывает и анализ социальных процессов, развернувшихся в колониях Северной Америки. «Открывая, присоединяя эти новые земли, английские и французские короли не считали себя хозяевами, законными монархами новых своих “краснокожих” подданных, заключая с наиболее могущественными индейскими и индийскими племенами своего рода “союзные” договоры; подданными в этих новоприобретенных колониях были лишь белые поселенцы, обязанные платить королю регулярные налоги, от чего местное аборигенное население было избавлено. А так как налоги можно было исправно платить, только имея собственность, то и земля, обрабатываемая в колониях, закреплялась за этими белыми поселенцами. <...> Конечно, это право не касалось “краснокожих”, и в этом плане они находились вне правового поля и подвергались определенной дискриминации, но жизнь белых поселенцев была вполне сносной, более сносной, чем в метрополии» [Там же: 115–116].

В этом отрывке отмечены важные особенности европейской колонизации, однако вызывает сожаление тот факт, что авторы по какой-то причине не сопровождают это описание выводами. А они, тем не менее, напрашиваются сами собой: 1) избавление коренного населения от налогов лишило его права на свои земли, что давало право европейским переселенцам на захват индейских территорий; 2) «союзные» договоры заключались главным образом во время Семилетней войны Англии и Франции, которая перекинулась и на американский континент с целью усиления своих армий; 3) результатами «определенной дискриминации» явились сильное сокращение численности коренного населения и возникновение резерваций, что привело к полному исключению индейцев из социально-политического и культурного развития Соединенных Штатов Америки и Канады. Не следует забывать и о полном уничтожении индейского населения Вест-Индии, что, правда, было осуществлено главным образом испанцами, хотя это явление было присуще также и некоторым другим территориям, подвергнутым колонизации Англией.

Остановиться более подробно на положениях, выдвинутых Д. Я. Резуном и М. В. Шиловским, заставляет то обстоятельство, что в их анализе европейской колонизации явно прослеживается увлеченность экономической мощью США, которая отвлекает их внимание от существенных различий принципов европейской и русской колонизаций. В то же время в осмыслении ими Сибири как «сырьевого придатка» европейской России на протяжении более четырех веков явно просматривается давняя идея о необходимости предоставления автономии сибирскому региону.

В совершенно ином ключе представлен анализ русской и европейской колонизаций в монографии А. Д. Агеева «Сибирь и американский Запад: движение фронтиров» (2005). Уже во введении автор отмечает, что проблема фронта значительно сложнее, что она существует и на современном историческом этапе приобретает глобальный характер и «проявляется как атлантизм и евразийство» [Агеев 2005: 25]. Но самое важное то, что образование Российской империи автор рассматривает как «заданное логикой “собирания земель” создание и конструирование централизованного государства,

одной из главных задач которого являются четкие и безопасные границы» [Там же: 104]. Как видим, автор предложил совершенно новый взгляд на природу русской колонизации. Анализ А. Д. Агеевым географических и климатических условий заселения новых территорий, стимулов освоения Сибири и американского Запада, взаимоотношений русских и европейцев с коренными народами, основ экономического развития строится на основных положениях евразийской теории и теории «вызова», предложенной Арнольдом Тойнби, что на более глубоком уровне раскрывает существенные различия двух векторов колонизации Нового времени. «Русское движение на восток было вызвано историческими причинами, генетически ведущими начало с Великого переселения народов. Вряд ли можно запросто отмахнуться от того, что здесь действовала “евразийская парадигма”, — в том смысле, что русскому движению на восток предшествовало движение монголов на запад. Русское движение было предопределено монгольским, им “запрограммировано”. Учитывая это, то есть исторические, уходящие в глубь веков особенности формирования русской государственности, следует сказать, что в русском движении на восток не было ни малейшего сходства с американским движением на запад. Наличие сходства можно отметить лишь в конечных итогах — в формировании в обоих случаях национальных государств в определенных границах» [Там же: 159].

Монографию А. Д. Агеева отличает во многом новый подход к анализу такого явления, как колонизация Нового времени. В своем анализе автор выходит далеко за пределы исторических и социально-экономических процессов, представляя сравнение двух глобальных этнокультурных миров (цивилизаций) планетарного пространства — западного и евразийского. Однако не все положения автора кажутся бесспорными, в частности попытка Д. А. Агеева, опираясь на художественные произведения русских и американских писателей и материалы фольклора, описать образы Сибири и Дикого Запада, рожденные национальным сознанием двух народов, и на основании этого выявить специфику их ментальности [Там же: 102–136]. Этот аспект очень интересен для характеристики мировосприятия и мироощущения этих народов, но, к сожалению,

в своем исследовании А. Д. Агеев не раскрывает сути особенностей двух колонизаций.

Не менее интересно исследование колонизационных процессов на территории двух континентов в начале Нового времени, представленное в книге Ю. Г. Акимова «Северная Америка и Сибирь в конце XVI — середине XVIII в.» (2010). **Основной задачей, которую автор ставит перед собой в работе, является сравнительный анализ трех моделей колонизации — русской, французской и английской, определение общего и особенного в них на протяжении более двух столетий.** В своем исследовании Акимов рассматривает следующие аспекты трех моделей колонизации: темпы и масштабы освоения территорий, их зависимость от климата и ландшафта, количественный и социальный состав колонистов, специфика административного управления колониями и ее обусловленность структурой власти в метрополиях, политика отношения колонистов к коренному населению в плане соответствия официальных установок и исторических реалий. Основной вывод автор формулирует следующим образом: «Двигателем европейской колонизации в Северной Америке и в Северной Азии были как экономические, так и политические, социальные, моральные, идеологические мотивы. Все они в рассматриваемый период присутствовали и у русских, и у французов, и у англичан. Однако сочетание этих мотивов у них было разное. Так, французские колониальные мероприятия носили ярко выраженную политическую и религиозно-миссионерскую окраску; больших экономических выгод Парижу обладание Новой Францией не приносило <...> но повышало его престиж. Английская экспансия была, наоборот, обусловлена в большей степени причинами экономического и социального свойства. Сибирская эпопея русских была связана как с идейно-политическими, так и с экономическими соображениями» [Акимов 2010: 355]. Более того, автор убедительно доказывает, что в формах и методах русской колонизации Сибири гораздо больше общего с колонизацией Нового Света, предпринятой французами, чем с английской колонизацией. Однако исследованию Ю. Г. Акимова свойствен исключительно исторический подход к оценке основного комплекса колонизационных процессов, поэтому их этногенетическая и этнокультурная составляющие не получили достаточного освещения.

Еще один сюжет, на котором необходимо остановиться, — это термин «фронтир», ставший необычайно популярным в отечественной исторической науке с середины 90-х годов прошлого столетия. Этот термин был введен в научный оборот выдающимся американским историком Фредериком Джексоном Тёрнером в конце XIX в. Автор не дает единого развернутого определения, но четко раскрывает значение, которое он вкладывает в это понятие: «Фронтир — это полоса наиболее быстрой и эффективной американизации. Дикая местность подчиняет себе колониста. Он приходит туда европейцем — по одежде, трудовым навыкам, рабочим инструментам, способам передвижения, мыслительным привычкам. Дикая местность выводит колониста из железнодорожного вагона и сажает его в каноэ из березовой коры. Она срывает с него цивилизованную одежду и облачает в охотничью куртку и мокасины. <...> Шаг за шагом он преобразует дикую местность, но то, что возникает в результате, — это не старая Европа <...>. Дело в том, что появляется новый, американский продукт» [Тёрнер 2009: 15]. И далее: «При этом продвижении фронтир представляет собой внешний край волны — место контакта дикости и цивилизации» [Там же: 14].

Сформулировав свое видение особенностей колонизационных процессов в Новом Свете, Тёрнер скрупулезно анализирует основные особенности ландшафта, климата, социального и этнического состава переселенцев, их поселений, жилищ, хозяйственной деятельности, взаимоотношений с коренным индейским населением по всей линии продвижения европейцев по территории Северной Америки, ставшей впоследствии Соединенными Штатами. Результатом такой работы становится необычайно яркое, научно обоснованное и уникальное исследование колонизации Нового Света, создавшей американскую нацию.

Российские историки, взяв на вооружение термин «фронтир», к сожалению, не воспользовались методикой и методологией его автора. В обобщающих исследованиях последних десятилетий по колонизации Сибири фронтир предстает неким размытым понятием, включающим достаточно общие сведения о маршрутах продвижения в ее пределы русских, формах и методах сбора ясака, изменениях, вносимых ими в расселение коренного населения, о развитии

земледелия, торговли, экономики и многом другом. Однако в них нет «линии фронта», анализа ее особенностей и, главное, отсутствует сравнение ее с тем фронтиром, который так блестяще проанализирован в работе Ф. Дж. Тёрнера.

В то же время во многих статьях, главным образом этнологов, посвященных узколокальным процессам колонизации Сибири, их анализ близок тёрнеровскому. Таким образом, можно полагать, что дальнейшее изучение особенностей русской колонизации имеет хорошую перспективу.

Итак, русская колонизация Сибири в сопоставлении с колонизацией американского континента Англией и частично Францией достаточно широко освещена в отечественной научной литературе, в которой в последнее время появились исследования, открывающие новые горизонты в изучении этой проблемы. В западной научной традиции она освещена лишь в самом первом приближении, что, по всей видимости, обусловлено недоступностью многих российских источников.

В то же время можно констатировать, что изучение специфики колонизации, предпринятой Московским государством, только начинается. Дело в том, что в Российскую империю, помимо Сибири, вошло несколько крупных регионов, таких как Поволжье, Средняя Азия, Кавказ, многие земли восточных славян. Вхождение каждого региона в ее состав имело неповторимый характер. Сравнительный анализ степени их освоения, специфики административно-территориальной системы управления, принципов экономического развития и характера этнокультурного взаимодействия пришлого и коренного населения этих регионов позволит создать более объективную картину русской колонизации, ее формы и методы освоения евразийского пространства. Кроме того, в решении вопроса о специфике русской и европейской колонизаций необходим более широкий сравнительный материал, включающий испанский, голландский и немецкий опыт на более широком пространстве, чем территория Нового Света. Разработка этой темы является одним из актуальных направлений гуманитарных наук, прежде всего истории, этнологии и политологии, так как, по справедливому замечанию иркутского историка А. Д. Агеева, «проблема “фронтиров” не снята. Можно

даже утверждать, что она не утратила своего глобального значения. “Фронтир” ищет нового поприща» [Агеев 2005: 25].

Однако, несмотря на большое количество научных трудов, посвященных анализу различных аспектов колонизации, остается еще много вопросов, требующих осмысления. И прежде всего они касаются этногенетических и этнокультурных процессов, развернувшихся на колонизированных территориях. Этот весьма существенный пробел в изучении истории Нового и Новейшего времени частично связан с тем обстоятельством, что этнологи рассматривали эти процессы в узколокальных территориальных и этнических границах, фактически игнорируя их сопоставление на широких регионах (в планетарном пространстве).

Задачей настоящей публикации является привлечение внимания исследователей, прежде всего этнологов, к изучению этнических и этнокультурных основ колонизационных процессов в сравнительном плане в различных частях нашей планеты и в разные исторические эпохи.

При обращении к русской колонизации прежде всего обращает на себя внимание само пространство Российской империи, как и ее исторического преемника — СССР, в плане его формирования и этнического состава населения. И в этом ключе оно впервые вызвало интерес научного сообщества Запада.

Единая колоссальная территория России с политической и экономической точек зрения тревожили Европу с конца XVII в., но только в начале XX в. она стала предметом научного осмысления в трудах западных ученых. Не последнюю, а возможно, главную роль в этом сыграло крушение Испанской и Британской империй, на фоне которого устойчивость Российской стала не только причиной тревоги, но и объектом научного интереса.

Первым поднял эту проблему и наметил новый подход к ее решению английский географ и историк, один из основателей теории международных отношений Хэлфорд Джон Маккиндер. Озвученная им в 1904 г. в докладе на заседании Королевского географического общества идея не только вызвала огромный резонанс в научном сообществе, но и во многом спровоцировала дальнейшее развитие геополитики [Маккиндер 1995: 162–169]. Английский ученый впер-

вые представил нашу планету как некий культурно-географический текст, определяющий развитие всей истории человечества. Маккин-дер рассматривает историю Старого Света со времен древнейших цивилизаций, выявляя четкие закономерности в движении народов, обусловленные особенностями их культуры, ландшафта и климата пространства. Он первым проанализировал исторические процессы, развивавшиеся на основной территории Старого Света, как длительное этнокультурное взаимодействие народов Европы и Азии. Более того, Маккин-дер раскрывает основополагающее значение этого взаимодействия в формировании государств от Атлантического до Тихого океанов на разных этапах истории, тем самым предвосхищая теорию «вызова» другого выдающегося английского ученого — А. Дж. Тойнби.

В результате системного анализа истории Старого Света автор приходит к выводу о наличии на этом пространстве трех регионов, играющих ключевую роль в мировой истории и политике на протяжении Нового и Новейшего времени. Прежде всего это «осевой регион», или «срединная земля» (**Heartland**), **территориально совпадающая** с границами Российской империи, включая примыкающую к ней Монголию. Затем — пространство «внутреннего полумесяца», занимаемое Германией, Австрией, Турцией, Индией и Китаем. И наконец, «внешний полумесяц», включающий Британию, Южную Африку, Австралию, Соединенные Штаты Америки, Канаду и Японию [Там же: 169].

Характеристика общей структуры планетарного пространства позволила Маккин-деру сделать целый ряд интересных прогнозов по поводу будущей международной политики, которая, по его мнению, будет определяться соотношением сил трех ключевых регионов мира, обусловленным их социально-экономическим развитием. При этом если автор допускает различные варианты политического объединения отдельных стран внутреннего и внешнего «полумесяцев», то подобные отношения между «срединной землей» — Россией и обоими «полумесяцами», с его точки зрения, достаточно проблематичны, кроме весьма призрачного союза с Германией. «Пространства на территории Российской империи и Монголии столь велики, а их потенциал в отношении населения, зерна, хлопка, топлива

и металлов столь высок, что здесь несомненно разовьется свой, пусть несколько отдаленный, огромный экономический мир, недосягаемый для океанской торговли (имеются в виду страны «внешнего полумесяца». — *Л. П.*)» [Там же: 168]. Маккиндер постоянно подчеркивает самобытность «осевого региона», которую он достаточно убедительно объясняет особенностями географического положения, климата, характера природных ресурсов и спецификой исторического развития. В этом развитии, по мнению английского ученого, на протяжении многих веков важнейшую роль играли кочевые народы евразийских степей: «На протяжении веков несколько волн всадников-кочевников выходило из Азии через широкий проход между Уралом и Каспийским морем, пересекая открытые пространства юга России, и, оседая в Венгрии, попадали в самое сердце Европы, внося таким образом в историю соседних народов момент неперемennого противостояния: так было в отношении русских, германцев, французов, итальянцев и византийских греков. То, что они стимулировали здоровую и мощную реакцию вместо разрушительного противостояния в условиях широко распространенного деспотизма, стало возможным благодаря тому, что мобильность их державы была обусловлена самой степью и неизбежно исчезала в окружении гор и лесов» [Там же: 165]

Более того, британский геополитик первым высказывает мысль о преемственности Монгольской и Российской империй, которая в дальнейшем получит развитие в исследованиях многих российских ученых [Там же: 169]. Отметим, что высказанные Х. Дж. Маккиндером в этом докладе идеи не только отразили геополитические тенденции Новейшего времени, но и оказали значительное воздействие на различные гуманитарные дисциплины XX в.

Идеи Х. Дж. Маккиндера об особой роли в движении мировой истории осевого региона, «срединной земли» — России — в определенной мере повлияли на создателей евразийской теории. Она была выдвинута группой блестящих русских ученых, оказавшихся в эмиграции после Октябрьской революции: лингвистом и этнографом князем Н. С. Трубецким, географом и экономистом П. Н. Савицким, философом и богословом Г. В. Флоровским, музыковедом и публицистом П. П. Сувчинским, историками Л. П. Карсавиным и Г. В. Вернадским, юристами Н. Н. Алексеевым и В. Н. Ильиным,

провозгласивших себя евразийцами. Ее основные положения были изложены в сборнике «Исход к востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев», выпущенном в Софии в 1921 г. и ставшем своеобразным манифестом нового научного течения.

Доказательствами преемственности этих двух направлений научной мысли XX в. могут служить несколько моментов. Прежде всего это тезис Маккиндера о необходимости сменить «европейский» угол зрения, присущий науке Западной Европы, что позволит представить историю Старого Света во всей ее целостности [Там же: 165]. А также развитие этой темы в трудах евразийцев, где они дали достаточно жесткую оценку европоцентризму представителей западной научной мысли. Н. С. Трубецкой, например, писал: «Под “цивилизацией” они понимают ту культуру, которую в совместной работе выработали романские и германские народы Европы. Под цивилизованными народами — прежде всего опять-таки тех же романцев и германцев, а затем и те другие народы, которые приняли европейскую культуру» [Трубецкой 1999: 32]. Другим моментом явился вывод английского геополитика о «срединной земле», играющей ключевую роль в истории планеты. Именно история России и ее особое положение на территории Старого Света заняли центральное место в евразийской теории русских ученых. Они вводят в науку понятие «историческая Евразия» как целостное географическое и этнокультурное пространство, в своих границах практически совпадающее с территорией Российской империи. Обоснование этого понятия, сделанное в более широком, чем у Маккиндера, контексте — комплексный анализ географии, этнической, социальной и политической истории, культуры, религии и философии стран Европы и Азии, представляло собой следующий шаг в развитии гуманитарного знания. Само определение «историческая Евразия» также перекликается с термином «Евро-Азия», введенным в оборот британским историком [Маккиндер 1995: 165]. И наконец, общая идея об исторической преемственности Монгольской и Российской империй [Маккиндер 1995: 164; Савицкий 1995: 85].

Евразийская теория достаточно хорошо освещена в литературе [Исаев 1992; Новикова, Сиземская 1995; Дугин 1999]. Однако необходимо остановиться на некоторых положениях этой теории, непо-

средственно связанных с формированием Российского государства, так как именно в специфике развития этногенетических и этнокультурных процессов на территории исторической Евразии заложены особенности русской колонизации обширного евразийского пространства. Более того, этнологические исследования евразийцев наполнили понятие «срединной земли» Маккиндера не только конкретным культурно-историческим содержанием, но и глубоким философским смыслом. При этом именно эти положения евразийской теории были мало освещены в литературе.

Один из новых аспектов в исследованиях русских ученых — их обращение к изучению культуры евразийских народов в контексте процессов этногенеза и формирования специфики этнического сознания. Основная идея евразийцев в понимании сущности русского государства и русского народа заключается в их кардинальном отличии от романо-германского (европейского) мира, их национально-культурной особенности, рожденной в историческом сплаве восточнославянского и «туранского» этнических массивов. Под последним понимался широкий круг народов, принадлежащих к урало-алтайской языковой семье.

Анализируя структуру тюркских языков с точки зрения отражения в ней особенностей этнопсихологии, Н. С. Трубецкой приходит к выводу, что эти языки относятся к типу, который «характеризуется схематической закономерностью, последовательным проведением небольшого числа простых и ясных основных принципов, спаивающих речь в одно целое. Сравнительная бедность и рудиментарность самого речевого материала, с одной стороны, и подчинение всей речи как в звуковом, так и в формальном отношении, схематической закономерности — с другой, — вот главные закономерности тюркского языкового типа» [Трубецкой 1999: 142]. Схожие закономерности он обнаруживает в музыке и поэтическом творчестве тюркских народов [Там же: 143–146].

Переходя к характеристике особенностей уже собственно тюркской психологии, Трубецкой пишет: «Типичный тюрк не любит вдаваться в тонкости и запутанные детали. Он предпочитает оперировать с основными, ясно воспринимаемыми образами и эти образы группировать в ясные и простые схемы <...>. С другой стороны,

ошибочно было бы думать, чтобы шорность или схематичность тюркской психологии препятствовала широкому размаху и полету фантазии. Содержание эпических преданий тюркских племен решительно противоречит такому представлению. Тюркская фантазия не бедна и не робка <...> картина, рисуемая этим воображением, не пестрит разнообразием красок и переходных тонов, а написана в основных тонах широкими, порой даже колоссально широкими, мазками. <...> Туранская психика сообщает нации культурную устойчивость и силу, утверждает культурно-историческую преемственность и создает условия экономии национальных сил, благоприятствующие всякому строительству» [Там же: 147–148, 154]. Обрисованный выше характер тюркского менталитета Трубецкой выявляет как у финно-угров, так и у монголов, но если у первых он проявляется в смягченной форме, то у вторых — наоборот, в более жесткой, что в целом и образует единый «туранский» тип мышления.

«Туранские» черты в национальной психологии русских Трубецкой прежде всего видит в той ясной, простой схеме простроенности Московской Руси, в которой «и государственные идеологии, и материальная культура, и искусство, и религия были нераздельными частями единой системы — системы, теоретически не выраженной и сознательно не формулированной, но тем не менее пребывающей в подсознании каждого и определяющей собой жизнь каждого и бытие самого национального целого...» [Там же: 155]. Эта устойчивость мировосприятия являлась основой и государственного строительства, и психологического принятия четкой государственно-политической системы с простой вертикальной иерархией власти, и беспрекословного подчинения низшего уровня высшему, и прочного сохранения своей культурной и религиозной доминант в условиях широкого этнокультурного взаимодействия.

Но в то же время «туранский» компонент русской психологии сочетался в ней со славянской основой, которая сложилась в Древней Руси и была оформлена православной религией. Анализируя развитие русского языка, Трубецкой отмечает, что строилось оно на взаимообогащении средневеликорусского народного и церковнославянского языков, причем последний являлся литературным для эпохи Средневековья, в отличие от европейских языков, где литературным

была латынь, уже не связанная с народными языками живительными нитями и остающаяся для основной массы населения мертвым языком [Там же: 207–208]. Таким образом, основы православного вероисповедания, богословия, философско-литературной традиции и более широко — духовной культуры Византии через церковнославянский язык не только обогатили русскую национальную психологию широким спектром абстрактно-теоретических принципов мышления, но и окрасили эмоционально-психическую гамму русского мировосприятия глубоким духовно-религиозным мирозерцанием [Там же: 205].

Эта уникальная по своему разнообразию этнокультурная гамма явилась основой формирования особенностей менталитета русского народа, его высокой толерантности, принятия иных этносов и их культур, восприимчивости к инновациям, но вместе с тем устойчивости в сохранении глубинных основ собственного мировосприятия и мировоззрения, которые во всей полноте проявились в русской колонизации евразийского пространства.

Дальнейшее развитие евразийская теория получила в трудах советского ученого Льва Николаевича Гумилева. Он не только наполнил ее колоссальным живым историческим материалом, но и претворил ее в своей теории этногенеза. Именно Гумилев в серии фундаментальных работ «Хунны в Китае», «Открытие Хазарии», «Древние тюрки», «В поисках вымышленного царства», «Древняя Русь и Великая Степь», «От Руси до России» фактически первым написал историю Евразии–России, подтвердив основные положения евразийской теории.

Как убедительно показал Гумилев, историческая Евразия оформлялась в течение длительного времени. Начало этого процесса относится к моменту возникновения в Великой Степи культуры скотоводов-кочевников. Первыми своим движением с востока на запад охватили практически все степное евразийское пространство и в этом прорыве достигли Западной Европы хунны. С этого момента начинается интенсивное этнокультурное формирование исторической Евразии, то есть «срединной земли» (Heartland) в пространстве Старого Света по определению, предложенному Х. Д. Маккиндером [Маккиндер 1995: 165]. Следующим шагом в этом процессе явился выход на историческую арену древних тюр-

ков, не только создавших в степи первые государства, но и образовавших огромный тюркский мир, который занял прочное место в истории Старого Света. Значительно большим размахом и большей государственно-политической целостностью отличалась империя Чингисхана. Впервые ее границы охватили регионы, выходящие за пределы Великой степи, — северо-восточная Маньчжурия и Древняя Русь. В последнем случае важным представляется то обстоятельство, что в состав нового государства кочевников впервые вошли земли, расположенные уже в северной лесной зоне. И если говорить о степени объединения и оформления исторической Евразии, то монголы совершили в этом направлении еще один шаг, достигнув более высокой стадии в строительстве единого этнокультурного пространства.

Следующий период в истории формирования евразийского этнокультурного мира наступает в XIV в., когда на исторической арене возникают Московское государство и этнос великороссов. Генетически этот этап был обусловлен предшествующими историческими и этническими процессами, но имел существенные отличия, которые определили новый облик евразийского пространства. Впервые в единое евразийское пространство были включены огромные земли Сибири, расположенные в таежной и тундровой зонах, а населяющие их народы были непосредственно вовлечены в общеисторический этнокультурный процесс. Кроме того, объединителем Евразии стал этнос с земледельческой культурой, что в значительной мере изменило структуру взаимодействия хозяйственно-культурных типов и практик в регионе и их воздействие на ландшафт, а также привело к возникновению совершенно иных этнокультурных связей и этногенетических процессов, завершив окончательное формирование «осевого региона» в структуре планетарного пространства.

Так, на протяжении веков ценой огромных усилий множества народов постепенно складывался этот особый срединный между Западной Европой и Азией мир, который достиг наиболее четких контуров к концу XIX в. в границах Российской империи. Таким образом, особенность пространства России–Евразии, или исторической Евразии, или *Hearlanl'a*, заключается не только в единстве географического пространства, но главное — в единстве его исторического развития. Эта «срединная земля» на протяжении тысячелетий явля-

ла собой колоссальный этногенетический горн, в котором в определенном временном ритме выплавлялись мощные культуры, государства, империи. И каждая из них являлась как бы фундаментом для последующей ступени в этнической истории «осевого региона».

Территории, вошедшие в состав Испанской и Британской империй, а также земли, захваченные португальцами и французами на американском континенте, в Африке и в других регионах мира, являлись инородными «телами» в составе этих государств. Природа, климат, население — все, что увидели и с чем столкнулись европейцы на новых землях, было новым, чужим, непонятным, требующим осмысления, психологического и эмоционально-чувственного усвоения как самого пространства, так и автохтонных культур.

Практически все исследователи, занимающиеся проблемами колонизации Сибири и Нового Света, большое внимание уделяли анализу природно-географических условий и климата осваиваемых территорий, влиянию их на скорость и направления продвижения вновь прибывшего контингента, характер его расселения и экономического развития колоний [Агеев 2005: 29–55; Акимов 2010: 54–92 и др.]. Ни в коей мере не отрицая значимости такого анализа для изучения форм и принципов колонизации, следует добавить, что немаловажное значение имело для этого и восприятие людьми образов окружающего мира. Европейцы вторглись в иные пространства и культуры с вполне оформленным национальным сознанием, сложившимся на основе достаточно ограниченного набора пространственных и культурных образов. Нетрудно понять, сколь ошеломляющее впечатление должны были произвести на них тропические леса и саванны, мощные реки и горные массивы Нового Света, Африки и других регионов мира, их невиданная флора и фауна и, конечно, культура коренного населения, несовместимая с их представлениями о цивилизации.

Первые впечатления испанцев от Антильских островов, достигнутых ими после более чем двухмесячного плавания, были крайне восторженными. Христофор Колумб писал королям Испании об Эспаньоле (Гаити): «Солнце позолотило картину, которую я вряд ли сумею достойно описать. Высокие горы, напоминающие мне Сицилию, плодородные долины, луга, покрытые пестрыми цветами,

зеленые луга, насекомые с великолепной окраской крыльев, птицы, отливающие всеми цветами радуги. Широкая река, окаймленная тенлистыми, усыпанными плодами деревьями, так и манит вступить на эту землю. <...> Я признаюсь, что, глядя на цветущие сады и зеленые леса, меня охватывает такая радость, что я не чувствую себя в силах освободиться от колдовства и продолжить свою дорогу. Этот остров, должно быть, самый прекрасный, который когда-либо видели глаза человека» [Ланге 1984: 80].

Это восторженно-романтическое описание как нельзя лучше свидетельствует о том, насколько необычным, непривычным представлялся перед первооткрывателями новый мир. Конечно, далеко не все испанцы с таким чувством воспринимали открывающиеся перед ними земли, но записи Колумба передают общее для них удивление увиденным.

Столь же чуждой была новая земля и для англичан, впервые ступивших на побережье Северной Америки: «Когда первооткрывателям все же удавалось сойти на берег, жалкий вид местных жителей — индейцев и эскимосов — отнюдь не настраивал на оптимистический лад. Даже у отцов-пилигримов, впервые высадившихся в середине ноября [1620 г.] в Новой Англии, создалось крайне удручающее впечатление от массачусетского берега. “Да и что они могли здесь увидеть, кроме страшной глуши, полной диких зверей и диких людей? — писал Уильман Бедрэффорд. — А сколько их, они не знали”». Пилигримов можно понять, «поскольку лето уже кончилось, и теперь все предстало их взору на редкость в неприглядном виде — и сама страна эта, заросшая густыми лесами, имела дикий безотрадный облик». На берегу пилигримы обнаружили чащобы, грозившие в ключья изодрать их одежду, если бы они попытались проникнуть в эти заросли. Их письма домой дали Оливеру Кромвелю основание охарактеризовать Новую Англию как «бесплодную и дикую пустыню» [Бейклесс 1969: 202].

Один из первых французских путешественников, обследовавших территорию близ нынешнего Квебека в начале XVII в., Самюэль де Шамплен записал свои впечатления о прохождении порогов на реке Сагений: «Никогда прежде не видел я водного потока, который обрушивался вниз с такой силой. Сила потока была столь велика, что

вода в нем, казалось, кипела. Тот, кто желает плавать по ним, должен обзавестись челнами туземцев» [Там же: 126].

Не менее сильным было и впечатление от встреч с населением нового континента. «Многие туземцы приходили совершенно обнаженными, как и на других островах. Некоторые были раскрашены белой краской, другие — красной и черной. Они приносили дротики и клубки хлопковой пряжи и обменивали их у матросов на осколки стекла, разбитую посуду и т.п.», — написал Колумб об одной из первых встреч с жителями Багамских островов [Ланге 1984: 79]. Самюэль де Шамплен так вспоминал одну из своих встреч с индейцами Канады: «Воины сидели вдоль стен дома, и перед каждым стояло блюдо, выделанное из древесной коры. И когда мясо сварилось, один из них стал раскладывать варево каждому в его блюдо, а ели они весьма непристойно, вытирая сальные руки о собственные волосы либо о шерсть собак» [Бейклесс 1969: 125].

Это был совершенно иной мир, причудливый, непонятный, резко отличающийся от привычного облика своих стран и народов. Этот контраст между культурами Испании, Англии, Франции и населения Нового Света был настолько разителен, что естественным образом породил отношение к коренному населению как к низшей расе и способствовал становлению идеи о необходимости «просвещения дикаря», оправдывающей все способы колонизации.

В русских документах XVII в. мы не встречаем ничего подобного. Да, описания суровой сибирской природы иногда встречаются в них, но приводятся они исключительно для подчеркивания своего «радения на государевой службе». Отсутствуют в них и удивление или изумление обликом и обычаями сибирских народов. И дело не только и не столько в том, что русских первопроходцев нельзя сравнивать по уровню образованности с Колумбом или Шампленом, здесь имеют место совсем иные причины.

Одной из них является то обстоятельство, что знакомство русских (а точнее их предков — славян) с Сибирью и ее народами началось задолго до собственно колонизации этого пространства, как, впрочем, и Великой Степи. Ее тюркское население было хорошо известно русским за несколько веков до покорения Казанского и Астраханского княжеств.

Начиная с XI в. сибирские земли, прилегающие с востока к Уральскому хребту, были в некоторой степени «освоены» новгородцами. Территорию его северной части с обеих сторон они называли Югрой, или Угрой, и поддерживали с угорским и самодийским населением определенные отношения, в основе которых лежал обмен пушнины и моржовой «кости» на изделия из металла [Щеглов 1883: 3]. Правда, эти контакты не столько носили торговый характер, сколько принимали форму военных набегов, однако во взаимоотношениях сторон присутствовало определенное равновесие. Одни походы новгородцев заканчивались победой и захватом добычи и пленных, другие — поражением и гибелью значительной части отрядов [Лейбович 1876: 121–125]. Тем не менее к концу XII в. финно-угры Предуралья начинают платить новгородцам дань, хотя и, по всей видимости, нерегулярно, контакты приобретают все более постоянный характер [Щеглов 1883: 7].

Однако ни эти походы, ни сбор дани не являлись еще собственно колонизацией. Новгород, город преимущественно торговый, не был заинтересован в заселении северного Предуралья и Зауралья, а для крестьянства, занятого земледелием, эти районы не представляли какой-либо значимости. Но частые походы в Югру привели к тому, что при массовом продвижении в Сибирь ее северные пределы не являлись для русских неведомым пространством. Более того, в этот ранний период, хотя и наблюдались определенные различия в хозяйственно-культурном типе (ХКТ) двух взаимодействующих сторон, значительного разрыва в стадийном отношении между славянами, финно-угорским и самодийским населением обширной Новгородской земли и Зауралья, а также балтами и скандинавами с прилегающих с запада территорий не существовало, что во многом облегчало межэтнические взаимодействия. [Платонов 2013: 51–54; Ляпушкин 1968: 118–119; Лебедев 2002: 17–19].

Все это определяло множество нитей взаимного соприкосновения и взаимопонимания между разными народами этого региона, среди которых устанавливались отношения партнерства. Таким образом, Север, как европейский, так и частично азиатский, истари, еще до становления Московской Руси, был для славян областью по-

стоянного импульсного внедрения, а населяющие его народы воспринимались как естественная, неотъемлемая данность, присущая этому пространству, хорошо знакомая и понятная.

К концу XIII в. территория Пермского края, занятая финно-угорским населением, попадает под политическую зависимость Великого Новгорода, и с этого момента начинается постепенная колонизация Предуралья. К этому времени в Пермском крае формируются первые потестарные государственные образования, получившие в русской литературе названия «княжеств» — Пермь Вычегодская и Пермь Великая. Их земли простираются от Урала до Печоры, Вычегды, Камы и Волги. В конце XIV в., за сто лет до присоединения пермских «княжеств» к Московскому государству, происходит событие, которое не имеет аналогов в истории европейской колонизации Нового времени. Благодаря усилиям иеромонаха Стефана Храпа, уроженца Великого Устюга, в течение нескольких десятилетий без какого-либо внешнего государственного давления принимает крещение сначала население Перми Вычегодской, а затем и Перми Великой. В 1383 г. учреждается Пермская епархия, во главе которой был поставлен Стефан Пермский (Храп) [URL: <http://days.pravoslavie.ru>]. **Принятие финно-уграми Пермского края в течение короткого времени православия** (не важно, насколько глубоко были усвоены ими христианские догмы) свидетельствует о достаточно глубоких культурно-психологических контактах населения двух разных этнических общностей.

Принятие православия финно-уграми во многом способствовало ускорению колонизации Пермского края уже сложившимся к этому времени этносом великороссов. Но эта колонизация пока носила стихийный характер и не была оформлена в рамках государственной политики Москвы. На Каме и Усолке возникают поселения и «городки» великороссов, в самом начале XV в. в районе нынешнего Соликамска строят солеварни русские купцы Калиниковы, позднее — Строгановы [Щеглов 1883: 8–9]. Этнокультурные контакты великороссов и финно-угорского населения постоянно нарастают, втягивая население Пермского края в политические планы Москвы. Так, в 1483 г. пермяки в составе русского ополчения принимают участие в походе на Обь против вогулов [Там же: 10].

Политическое присоединение пермских земель к Москве начинается во второй половине XV в. и сопряжено с окончательным становлением Московской Руси, являясь существенным эпизодом в процессе «собираания земель русских».

В 1471–1472 гг. Иван III направляет туда отряд под командованием своего воеводы — князя Федора Давыдовича Пестрого-Стародубского с целью окончательного подчинения Пермского края Москве. Отряду пришлось принять несколько незначительных сражений, но в целом официальное присоединение Пермского края к Московскому государству произошло без какого-либо серьезного кровопролития. Во главе двух объединенных Пермских «княжеств» был поставлен один из представителей правящей пермской элиты, Михаил, с присвоением ему титула князя [Пчелов 2004: 263–265]. Этот принцип косвенного управления, перешедший к Московскому государству от монголов, был характерен для всего первого этапа русской колонизации, что подтверждает концепцию А. Д. Агеева о «собираании земель» как основном принципе русской колонизации.

В XV в. граница Московского государства подошла к Уральскому хребту, а Иван III внес дополнение в свой титул, который теперь звучал как «Великий князь Владимирский, и Московский, и Новгородский, и Псковский, и Тверской, и Пермский и иных земель» [Там же: 264]. Как видим, Пермь перечисляется в титуле Великого князя наравне с основными славянскими княжествами, вошедшими в состав Московского государства.

Закрепление Московского государства на пермских землях активизирует выступления против него самодийских и угорских народов Западной Сибири, территория расселения которых почти соприкоснулась с его границами. Учащаются их набеги, которые разоряют и русские «городки» на Пермской земле, и поселения финно-угров. «Сия Самоядь и живущие по ту сторону гор (Уральских. — Л. II.) соседи их Вогуличи многократными своими набегами весьма много беспокоили новозаведенные российские селения в Перми. Чего ради Великий царь и князь Иоанн Васильевич вознамерился усмирить сих разбойников», — сообщает И. Э. Фишер [Фишер 1774: 108]. Однако «усмирение» началось на сто лет раньше, чем сообщает историк, еще при Иване III.

Итак, новые государственные земли оказываются недостаточно защищенными и подвергаются постоянной опасности, что заставляет Москву двинуть войска на восток. Походы за Урал, возглавляемые воеводами, следуют один за другим — в 1465, 1467, 1483, 1499 гг. Цель их — «приведение земли этой под государеву высокую руку», т.е. включение ее в состав государства [Щеглов 1883: 9; Бояршина 1957: 149–150; Лейбович 1876: 125; Миллер 2005а: 197–199]. Участвуют в них в основном ополчения северных русских городов — Великого Устюга, Вологды, Перми, Усташа, Вятки. Русские ополчения, преодолевая Северный Урал, двигаются вверх по Оби и ее притокам, проходят ее до слияния с Иртышом, то есть вплотную подходят к Сибирскому ханству. Походы сопровождаются постоянными военными столкновениями с «югрой», вогулами и остяками, которые в большинстве случаев терпят поражение. Один из таких походов (1499) описывается в летописи следующим образом: «И убили воеводы на Камени самоеды 50 человек, а взятии 200 оленей. От Камени шли неделю до первого городка Ляпина; всех по та места верст шли 4650. Из Ляпина встретили с Одора на оленях Югорские князья. А от Ляпина шли воеводы на оленях, а рать на собаках. А Ляпин взяли и поймали 33 городы, да взяли 1009 человек лучших людей, да 50 князей привели. <...> И пришли к Москве дал Бог здорово все на велик день к государю» [Миллер 2005: 197–199].

Почти все ополчения возвращаются со значительным числом пленных, среди которых оказываются главы потестарных образований и «лучшие люди» «княжеств», уже существовавших в то время среди угорского населения Западной Сибири [Бахрушин 1935]. Взятые в плен, они предстают перед Иваном III, присягают на верность Москве, обзаваясь платить дань, и отпускаются «на княжение» в свои земли, а к титулу великого князя в 1499 г. прибавляется название «...и Югорский».

Итак, в XV в. Московское государство выплеснулось из своих границ, обретя облик государства Российского. Более того, это движение было естественным продолжением процесса «стягивания» окружающего пространства к единому центру. При этом использовался тот же принцип, что и на начальном этапе формирования самого Московского государства, когда вокруг Москвы — где войной,

где миром, где политическими интригами — объединялись славянские княжества. Следует отметить, что сибирские правители именуются в документах «князьями», то есть в социальной иерархии русского общества им отводится достаточно высокое положение, определяющее лишь их вассальную зависимость.

Эти походы знаменательны еще и тем, что вскоре после них, в 1514 г., уже при Великом князе Василии III, впервые на вновь присоединенных землях выделяются для удобства управления ими определенные этногеографические единицы. Это еще не административно-территориальное обустройство в полной мере, а скорее отражение восприятия присоединенных земель как части единого государства. Так, ранее аморфная территория всей «Югорской земли» разделяется на области: нижнее течение Оби составляет Обдорию, земли, прилегающие к р. Конде (левый приток Иртыша), образуют Кондию. За территорией по рекам Сысьве и Сосьве (включая будущий Березов) пока сохраняется название Югория, в которой выделяется особая область по р. Сургут — Закамская земля, а территория от Перми и Вятки до Урала и далее получает название Тюменской или Сибирской. Именно в этом году в титуле Василия III появляется добавление «...и Кондинский, и Обдорский и иных земель» [Щеглов 1883: 12–13]. В 1554 г. в титуле уже Ивана Грозного окончание звучит так — «...Обдорский, Кондинский и многих других земель, Государь всех Северных берегов», в титуле 1558 г. — «Обдорский, Кондинский и всех Сибирских земель, повелитель Северной стороны». А в 1563 г., после принятия русского подданства одним из князей сибирских татар Едигером, в царском титуле появляются слова «...и вся Сибири» [Миллер 2005а: 202]. Таким образом, в политическом отношении Сибирь воспринималась как естественная часть зарождающегося государства Российского.

Этот этап движения русских на восток, включая поход Ермака (1582–1584), являлся началом колонизации, которая определила ее основные особенности. Он важен для понимания политических задач, стоящих перед московским правительством, и характера самой колонизации, развернувшейся в последние годы XVI в. и выразившейся в строительстве острогов и фактическом обосновании русских в Сибири. Его главной задачей являлось обеспечение безопасности границ на востоке, где противник был менее мощным, чем

на других направлениях приграничья. В этот период Московское государство с запада и юга постоянно подвергалось угрозе военного вторжения со стороны Литовско-Польского королевства и Швеции, а также южных тюркских ханств. Даже победа над Казанским и Астраханским ханствами не избавляла Московию от набегов еще сильных объединений кочевников Степи.

Здесь важно вспомнить выявленные Николаем Сергеевичем Трубецким особенности менталитета русского народа, его мировосприятия и мировоззрения. Прежде всего устойчивое психологическое принятие четкой государственно-политической системы с простой вертикальной иерархией власти, беспрекословным подчинением низшего уровня высшему, при которых и идеология, и культура, и религия были нераздельными частями единого национального целого. Поэтому, в какие бы земли ни двигались русские, это всегда шло государство, будь то ополчения, военные отряды, промышленные люди или вольное крестьянство — за ними всегда стояло государство. И самое главное — они всегда ощущали себя людьми государственными, даже когда убегали от этого государства в Сибирь или поднимали бунт. В этом заключается еще одно отличие русской колонизации от европейской, основанной на частном, индивидуальном предпринимательстве. Однако это не лишало русских людей инициативы, а лишь ограничивало ее рамками государственных задач и дисциплины.

Процесс этногенеза великороссов, начавшийся с переплавки в горниле истории старославянских этносов удельных княжеств Древней Руси, обогащался за счет вовлечения, главным образом, автохтонных финно-угорских компонентов, тюркских и монгольских — с юга, а также польско-литовских и германских — с запада, скандинавских — с севера [Гумилев 1992: 135]. Этот процесс завершается к середине XV в. сложением великорусского этноса и образованием в лесной зоне Восточно-Европейской равнины Московского государства. Следующий этап этногенетических процессов в Евразии — становление собственно русского этноса. Начинается он с выхода великороссов за пределы своего лесного «кормящего ландшафта» в лесостепные, степные и таежные пространства исторической Евразии, явившейся его «месторазвитием». Важно отметить,

что продвижение великороссов на юг, восток и запад фактически лишь увеличивало размах этногенетических и этнокультурных процессов, не меняя их общей этнической направленности. Становление и оформление русского этноса происходили во взаимодействии практически тех же этнических компонентов, что и великороссов, но только на несоизмеримо большей территории и в огромном разнообразии вариантов этнокультурных контактов.

Это разнообразное и богатое этническое поле сохраняло устойчивость на протяжении более полутора тысячелетий. Начиная со своего появления на Восточно-Европейской равнине и до сложения русского этноса, славяне в этногенетическом и этнокультурном планах взаимодействовали с финно-уграми и уграми, тюрками, монголами, в меньшей степени — с балтами, скандинавами и самодийцами. Именно благодаря этому русская колонизация продвигалась не только в регионы, которые были издревле известны, но и в пространства неизвестные, однако генетически близкие. И это, пожалуй, ее важнейшая особенность. Более того, в процессе колонизации исторической Евразии русские становятся одним из самых многочисленных народов мира.

Совершенно иначе развивалась европейская колонизация. Англичане инициировали формирование двух крупных наций — американской и австралийской, но сами остались небольшим островным этносом. Испанцы спровоцировали широкий спектр этногенетических процессов в своих колониях в Центральной и Южной Америке, где возникло множество новых народов, однако сохранились только в своих границах XVI в. Испанская империя просуществовала три столетия, английская — до середины XX в. Однако ее целостность в форме Содружества королевств Великобритании и Содружества королевств, куда входили все британские колонии и доминионы, была достаточно формальной и держалось только на экономической мощи и военной силе самой Англии. Но не всегда этого было достаточно. Уже в конце XVIII в. Великобритания теряет свою самую значительную колонию, признав в 1783 г. независимость Соединенных Штатов Америки [Фостер 1955: 173].

Англичане, включая шотландцев и ирландцев, начавшие колонизацию Америки на сто лет позже испанцев (1607), были в какой-то

степени информированы и о новом континенте, и об особенностях культуры коренного населения. И тем не менее климат и природа Новой Англии, восточного побережья Америки, где утвердились первые тринадцать колоний, были значительно суровее, чем природные условия метрополии. Не говоря уже о Канаде, климатические и природные особенности которой близки Сибири. Исследователи часто сравнивают эти регионы, проводя с учетом их природного сходства параллели между европейской и русской колонизациями. Однако сибирский климат для русских первопроходцев, значительную часть которых составляли выходцы из северных городов и предки которых издревле ходили «за Камень», был далеко не тем же, что климат северной части американского континента для англичан и французов.

Основав на побережье первые тринадцать колоний, англичане некоторое время не двигались вглубь континента, начав завоевание «дикого запада» только в начале XVIII в., когда и вступили в более тесные контакты с коренным населением [Тернер 2009: 18]. Кажется бы, эта заминка в колонизации Северной Америки должна была способствовать более тесному сближению двух культур, основанному на длительных и относительно мирных контактах на протяжении XVII в. Однако взаимопонимания и взаимоприятия культур не произошло [Фостер 1955: 63–64]. Индейцы до настоящего времени остаются совершенно инородным элементом в социальной и этнокультурной жизни США, будучи в большинстве своем вытесненными со своих земель и заключенными в границы резерваций. Отношение англичан, а позднее и американцев к коренному населению колонизированных земель отчетливо проявляется в крылатой фразе генерала Филадельфия Шеридана: «Хороший индеец — это мертвый индеец» [Там же: 65].

Приблизиться к пониманию причин этнокультурной ситуации, сложившейся в английских колониях, можно, проанализировав английский менталитет, характеристика которого встречается во многих британских научных и публицистических работах. Одно из первых заключений принадлежит служащему Ост-Индской компании, проработавшему в ней в начале XX в. более десяти лет и по понятной причине опубликовавшего свое исследование под псевдонимом: «Отдельный англичанин вообще склонен смотреть на всех

иностранцев как на какую-то чудную, невменяемую массу, несомненно низшего сорта, от которой нельзя ждать, чтобы она могла сродниться с британскими идеями» [Картхилль 1926: 45].

Еще более выразительна искренняя убежденность в превосходстве британской нации современного английского историка Кеннета Моргана: «Исключительность, даже уникальность, британцев долгое время воспринималась как нечто само собой разумеющееся и иностранцами, и внутри страны. Заморские гости — от вездесущих венецианских купцов конца XV в. и таких интеллектуалов, как Вольтер и Токвилль, до американских журналистов XX в. — все были уверены в особых качествах британского общества. В той или иной мере это положение разделяют и современные британские историки, даже если они придерживаются противоположных идеологических взглядов: и сэр Уинстон Черчилль, и Джордж Оруэлл — оба патриоты. Но о природе или сущности “британскости” британцев легче говорить, чем найти ее определение и тем более объяснить ее. Лишь очень немногие попытки так или иначе выкристаллизовать это свойство можно считать более или менее успешными. Одной из наиболее известных, обращенных непосредственно и исключительно к английскому народу, стала впервые опубликованная в 1926 г. замечательная обзорная “История Англии” Дж. М. Тревельяна. Автор сосредоточил свое внимание на ряде тем, которые, по его убеждению, обуславливают особый английский опыт на протяжении веков — географическая отдаленность от континентальной Европы с постепенным наращиванием морского могущества; широкая социальная мобильность, в рамках которой ранний переход от феодализма позволил создать новые индустриальные и коммерческие предприятия <...>. Уверенный в себе, живой, энергичный и прогрессивный остров сумел колонизировать и цивилизовать мир» [Морган 2000: 4].

Ощущение своей «британскости» возникает у англичан достаточно рано. Известный журналист и писатель Джереми Паксман собрал в своей книге «Англия. Портрет народа» множество свидетельств этого. «В 1497 г. один венецианец писал, что “англичане — великие любители самих себя и всего, что им принадлежит; для них нет других людей, кроме англичан, и другого мира, кроме Англии; а случись им увидеть иностранца приятной наружности, они тут

же говорят ‘выглядит как англичанин’ и ‘как жаль, что он не англичанин’»». Описывая визит в Англию герцога Вюртембергского в 1592 г., немецкий автор добавляет, что «жители <...> чрезвычайно надменны и заносчивы <...> им мало дела до иностранцев, они лишь издеваются и смеются над ними». Итальянский врач, совершивший поездку по острову в 1552 г., решил, что надменность населения такова, что они рассматривают среднего пришельца как «презренное существо, что-то вроде получеловека» [Паксман 2009:60].

Однако, как представляется, довольно сложно говорить о единстве этой «британскости» в среде всего населения Великобритании. Этнокультурные взаимоотношения между собственно англичанами с другими народами островов — шотландцами, ирландцами и валлийцами — носят весьма сложный характер. «Англо-саксонской империи кельты¹ могли противопоставить лишь исчезающие культурные достижения <...>. Этим древним культурам англичане, похоже, противопоставили культуру, которая оказалась культурой мирового класса. И именно благодаря тому, что англичане доминировали в организации, которая доминировала на большей части мира, слова “Англия” и “Британия” скоро стали употреблять как взаимозаменяемые» [Там же: 83–84]. Удивительно, но даже такой объективный автор, как Дж. Паксман, не сомневается, что английская культура является «культурой мирового класса». На самом деле враждебность между англичанами и другими народами Британских островов восходит к V в., к моменту начала расселения на них англо-саксов и ютов, усиливаясь с вторжением норманов [Блэр 2008: 41–46; Гиллинхэм 2008: 75], и сохраняется на протяжении полутора тысячелетий, доживая до наших дней.

«К единственному своему соседу, уже переросшему эту стадию, англичане относились хуже всего: это не Шотландия, не Уэльс, а Ирландия. Видимо, от того, что вмешательство не принесло англичанам ничего, кроме неприятностей, их отношение может круто меняться от терпимости до неприязни. Ирландцы в ходе всей своей истории гораздо более остро ощущали себя угнетенным народом, и народ Ирландии хранит живую память о целом ряде совершенных англичанами жестокостей — от убийства пленников в XII в., ужас-

---

¹ Именно кельты — древнее население британских островов — сыграли важную роль в этногенезе шотландцев, ирландцев и валлийцев [Блэр 2008: 41–46].

ной резни во времена кампании Оливера Кромвеля, официального безразличия к голоду в 40-е годы XIX в. и до расстрела британскими солдатами безоружных мирных жителей в Лондондерри во времена «кровавого воскресенья 1972 г.»» [Паксман 2009: 80].

Более терпимо, но тем не менее достаточно скептически, а временами и неприязненно англичане относились к шотландцам и валлийцам, которые платили англичанам тем же. «Одним из следствий того факта, что с Британией и Британской империей связано столько валлийских и шотландских амбиций, является то, что ни в Уэльсе, ни в Шотландии не так много националистических движений, которые шли бы дальше лозунга «Мы ненавидим англичан»» [Там же: 77–79].

Таким образом, даже с народами, с которыми на протяжении веков англичан связывала общая история, особенности их менталитета не позволили выстроить комплементарных отношений. Что же говорить о народах таких регионов, как Северная Америка, Юго-Восточная Азия, Австралия, культура которых, быт и стереотипы поведения столь разительно отличались от английских. Рамки статьи не позволяют подробно анализировать формирование английского менталитета, что составляет тему специального исследования. Однако столь высокая самооценка англичан явилась, пожалуй, основной причиной отторжения коренного населения Северной Америки от процессов формирования американской нации и как результат — оттеснения его в резервации. Пожалуй, можно согласиться с мнением английских историков, что в становлении «британскости» англичан важную роль сыграло замкнутое пространство островного государства [Гриффитс 2008: 144]. Однако к этому следует добавить и отсутствие широких и разноплановых этнокультурных контактов и связей в процессе сложения английского народа, в котором основополагающую роль играли германские племена.

Истории взаимоотношений индейцев Северной Америки² и европейцев, среди которых именно англичане были доминирующей

---

² В современной англоязычной научной и общественно-политической литературе термин «индеец» практически исчез как некорректный. Его стараются заменять такими понятиями, как «первые нации», «первые американцы», «американцы». Для характеристики негритянского населения прочно утвердился термин «афроамериканцы». В этом проглядывается определенное лицемерие, попытка завуалировать итоги европейской колонизации Северной Америки.

силой, посвящено огромное количество научной, публицистической и художественной литературы, а также значительное число кинолент, главным образом американского производства. Дать анализ всей этой продукции не представляется возможным, это особая тема. Однако вполне закономерно взять за основу труд основоположника истории научного изучения процессов колонизации североамериканского континента «Фронтир в американской истории» Фредерика Джексона Тернера.

Необходимо отметить, что в работе Тернера индейской проблеме уделено мало внимания, что уже само по себе говорит о многом. Историк не видит ее, определяя всю трагедию столкновения коренного населения с европейцами как «место контакта дикости и цивилизации» [Тернер 2009: 14]. Взгляды Тернера представляют большой интерес, так как отражают традиционную позицию американского общества конца XIX — начала XX в. в отношении своих прав на все покоренные территории в Новом Свете. В их законности ученый не сомневается, высказывая мысль, что «наиболее важной чертой американского фронта является то, что он находится на ближнем к нам крае свободных земель» [Там же]. Возникает вопрос: какова была причина постоянных войн с индейцами, если фронтир двигался по свободным землям? В этой оценке свободы земель кроется характерная особенность европейской колонизации — изначальное отрицание иных народов и иных культур, отказ им в их самобытности и тем более в равноправии. И как в этом контексте следует понимать другой вывод американского историка: «Плимутские пилигримы поселились на кукурузных полях индейцев; первый груз, отправленный ими в Англию, состоял из бобровых шкур и древесины»? [Там же: 21]. Колонии Плимутской компании — это первые постоянные поселения англичан на восточном побережье Нового Света, территории, названной Новая Англия (1607). Несмотря на то что большинство исследователей отмечают, что первые контакты с индейцами были дружественными, замечание Тернера дает основание полагать, что захват земли коренного индейского населения британскими колонистами начался достаточно рано. Более того, на раннем этапе английской колонизации Америки одной из наиболее важных основ экономических контактов являлась пушнина. Американский историк необычайно точно и откровенно очер-

чивает в своем исследовании механизмы колонизации: «И тем не менее, несмотря на противоположность интересов торговца и фермера, торговля с индейцами прокладывала путь цивилизации. Бизонья тропа превращалась в индейскую тропу, та становилась “проторенной тропой” торговца; на месте троп строились дороги, они разрастались до шоссе, которые, в свою очередь, превращались в железные дороги» [Там же: 22]. Здесь следует заметить, сколь мало эта картина похожа на колонизацию Сибири, где первыми шли промышленные люди, добывающие пушнину и в гораздо меньшей степени скупающие ее у местного населения, но никогда не принадлежащие к торговой прослойке. Безусловно, в большинстве случаев промышленные артели оплачивались купеческим капиталом, но стереотипы поведения промысловиков существенным образом отличались от поведения представителей английских торговых компаний. Их деятельность в Сибири была сродни промысловым занятиям коренного населения и вследствие этого не вызывала жесткого антагонизма и тем более не втягивала его в торгово-коммерческие отношения, столь противоестественные аборигенной традиционной культуре. Конечно, продвигаясь вглубь Сибири, промышленные люди оказывали большую услугу военным отрядам, но отнюдь не торговля с коренным населением была движущей силой русской колонизации.

Значительный интерес представляет оценка Тернером роли противостояния индейцев и белых в формировании американской нации: «Воздействие индейского пограничья как консолидирующего фактора нашей истории является очень важным. С конца XVII в. неоднократно созывались межколониальные конгрессы, на которых обсуждались вопросы ведения дел с индейцами и организации общих оборонительных мер. В тех колониях, которые не имели общих границ с туземцами, проявлялся сильнейший партикуляризм, но индейский фронт, протянувшийся вдоль западных рубежей колоний, буквально сшивал их воедино. Краснокожие были опасны для всех, и против этой опасности требовалось предпринимать совместные действия» [Там же: 23]. Если обратиться к русской колонизации Сибири, то на протяжении большей части XVII в. так называемый «фронт» ни в коей мере не способствовал какой-либо консоли-

дации. Достаточно вспомнить такое явление в сибирской эпопее русских, как «война острогов», когда одни острожные гарнизоны громили другие в споре за те или иные ясачные территории. И тем не менее Сибирь явилась одним из важных очагов формирования русского этноса, но оно основывалось не на военном противостоянии с коренными народами, а на осознании своей сопричастности государственному строительству. Весь процесс колонизации — основные маршруты продвижения казачьих отрядов, места возведения острогов, сбор ясака, отвод земель под пашню — проходил под контролем верховной власти, воплощавшемся в постоянных царских указах, которые служили прочной основой всей деятельности сибирской администрации. Конечно, не следует полагать, что эта система была безукоризненной. Стяжательство, воровство и более тяжкие преступления со стороны местной администрации как в отношении аборигенных народов, так и русского населения красной нитью проходят через весь процесс колонизации. И тем не менее на всем протяжении освоения Сибири основную роль играла неизменная вертикаль государственной власти. Сама консолидация русского этноса в Сибири хорошо проявляется в следующих фактах: так, если в XVI — первой половине XVII в. у русского населения четко прослеживается осознание себя представителями того или иного города Московии (Архангельска, Новгорода, Великого Устюга, Рязани и т.д.), то с середины XVII в. среди них уже наблюдается осознание своей принадлежности к тому или иному сибирскому острогу, а с XVIII в. прочно утверждается самосознание «мы — русские» [СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 59; Словцов 1995].

Необычайно интересно наблюдение Тернера о фронтире как границе между дикостью и цивилизацией: «Однако в том, что касается обычных — или даже исключительных — отношений жителей приграничных поселков с туземцами, видны ясные доказательства того, что индейский фронтир оказывал влияние на английского колониста пуританского типа и трансформировал его» [Тернер 2009: 47]. Как же проходил контакт между этими стадиями развития человечества — между дикостью и цивилизацией? Историк, ссылаясь на источники, приводит много примеров: «Одной их наиболее поразительных фаз трансформации фронта было предложение пре-

подобного Соломона Стоддарда из Нортгемптона осенью 1703 г., призвавшего к использованию собак «для охоты на индейцев так же, как охотятся на медведей». Его аргументация состояла в том, что собаки поймают много таких индейцев, за которыми не смогли бы угнаться поселенцы, и это не считалось бесчеловечным — ведь туземцы «ведут себя как волки, и поступать с ними надо, как с волками». В 1706 г. в Массачусетсе был принят закон о разведении псов и увеличении их числа для усиления безопасности границ, в 1708 г. в Массачусетсе и Коннектикуте власти платили из казны за выслеживание индейцев с собаками [Там же]. И далее: «Итак, мы снова оказываемся на знакомой нам местности: житель фронта в Массачусетсе так же ненавидел туземцев, как и его позднейшие последователи на Западе; “темнокожих дьяволов”, как их называл Коттон Мэзер, надо было поймать и в соответствии с законом скальпировать, как, по крайней мере, в одном случае это сделал сам капеллан, выпускник Гарварда, герой баллады Пикуэкета, который

много индейцев убил

и, пока вокруг него пули летали, срезал с них скальпы» [Там же: 48].

В нескольких колониальных английских владениях обычай некоторых индейских племен скальпировать врага использовался белыми поселенцами. При этом в Массачусетсе предлагалось ввести вознаграждение за скальпы индейцев, цены на которые зависели от того, кому он принадлежал — мужчине, женщине или ребенку, а также от того, кем он был снят — солдатом-добровольцем или волонтером [Там же].

Особенно ярко отношение колонистов к аборигенному населению проявилось во время так называемой Войны короля Филиппа (1675–1676). Ее причиной явилась начавшаяся в 30-х годах XVII в. в Новой Англии «земельная лихорадка», в процессе которой англичане путем захвата или покупки земли начали интенсивно расселяться по территории племени *вампаноагов*. Вспыхнувшая война длилась в течение года, и в один из моментов индейцы, возглавляемые вождем (сахемом) Метакомом, получившим ранее от коло-

нистов имя Филипп, были близки к победе. Однако нападение соседних ирокезов и внутренние разногласия привели вампаноагов к полному поражению. Метаком был убит своим соплеменником Джоном Альдерманом, сражавшемся в отряде английского капитана Черча. «Черч осмотрел тело убитого сахема и в сердцах назвал его “жалким, голым и грязным животным”. Его люди громко расхохотались. Затем Черч приказал разрубить тело на части — так у англичан было заведено поступать с изменниками. Альдерман получил в награду голову и руку Метакома, а все остальное победители развесили на деревьях. Впоследствии Альдерман продал высушенную голову царя Филиппа властям Плимута за 30 шиллингов — обычная плата за индейские головы во время войны. 25 лет эта голова простояла в Плимуте на колу» [История США 1983: 63–64; URL: ultima-cruzado.livejournal.com.32641.html]. Со смертью Метакома война закончилась, а племя вампаноагов было практически уничтожено.

Вышеприведенные сюжеты свидетельствуют о том, что англичане легко заимствовали индейский обычай скальпировать врагов, который должен был казаться им, как людям цивилизованным, варварским и неприемлемым, при этом использовали и некое подобие четвертования, а развешивание частей тела по деревьям вообще погружает нас в глухое Средневековье.

Для понимания характера колонизации Северной Америки важен анализ механизмов адаптации европейцев в новом для них пространстве, представленный в работе Ф. Дж. Тернера: «Дикая местность подчиняет себе колониста. Он приходит туда европейцем — по одежде, трудовым навыкам, рабочим инструментам, способам передвижения, мыслительным привычкам. Дикая местность выводит колониста из железнодорожного вагона и сажает его в каное из березовой коры. Она срывает с него цивилизованную одежду и облачает в охотничью куртку и мокасины. Она селит его в бревенчатой хижине индейцев чероки и ирокезов и окружает это жилище индейским частоколом. Очень скоро колонист начинает сеять кукурузу, пашет землю заостренной палкой; он издает боевой клич и, следуя устоявшейся индейской традиции, снимает скальпы. Короче говоря, вся обстановка фронта на первых порах оказывает слишком сильное воздействие на колониста. Он должен либо принять все

предъявляемые условия, либо погибнуть, и вот он приспособливается к жизни на расчищенных туземцами лесных полянах и крадется по индейским тропам. Шаг за шагом он преобразует дикую местность, но то, что возникает в результате, — это не старая Европа <...>. Дело в том, что появляется новый, американский продукт» [Тернер 2009: 15].

«Новый американский продукт» привел к возникновению резерваций и полному отторжению индейских племен от участия в поступательном социально-экономическом развитии государства. Более того, ограничение сохранившихся индейских племен рамками разобщенных, разбросанных по обширной территории США резерваций свело на нет возможность развития этногенетических и этнокультурных процессов среди коренного населения Северной Америки. На протяжении последних двух веков оно фактически пребывает в состоянии стагнации [URL: www.chayka.org/node/277].

Русская колонизация Сибири также не была бескровной и легкой для коренного населения как в психологическом, так и в экономическом отношении. Однако ей не были свойственны ненависть и бессмысленная жестокость к народам региона, о чем свидетельствуют многочисленные документы начиная с первых годов XVII в. Так, в январе 1609 г. несколько кыргызских «князей» отказались принять российское подданство и платить ясак. Они захватили посланных к ним казаков, которых избili плетьюми и, удерживая какое-то время в плену, морили голодом. Для усмирения непокорных князей 25 июня (8 июля по новому стилю) 1609 г. из Томска был послан отряд казаков и находящихся на русской службе томских татар численностью 300 человек. «И июля в 4 день Томские служилые люди и тотарове из киргиз пришли и сказали, что в киргизы пришли на киргизских людей ночью, и они от них бежали за Енисею, и живот свой весь пометали; а которые остались, и они их побили, и жены их, и дети, и весь живот поимали, и стада всякие животины отогнали тысячи з 3. И как они с полоном и з животом из киргиз пошли, а киргисские люди, собрався на дороге, пришли на на них из лесу безвестно многие, и они от них побежали, и киргизские люди на погоне Томских служилых людей и тотар побили и переранили человек з 20 и больше и живот свой поимали» [Миллер 2005а: 419].

Как видим, этот документ, являющийся письмом (*отпиской*) тобольского воеводы в Томск, содержит лишь констатацию фактов, хотя и образно изложенных. Однако необходимо обратить внимание на то, что описание как военной удачи русских при погроме кыргызов, так и ответного удара последних выражено одними и теми же словами: «На войне как на войне» — сначала победили, затем потерпели поражение. В нем не проявляются ни ненависть, ни желание мести, противник оценивается как равный, оказавший сильное сопротивление, но его необходимо «привести под высокую государеву руку».

В целом кыргызы оказали достойное сопротивление русским, их элита не приняла российского подданства и в 1703 г. покинула свои владения в Минусинской котловине на юге Сибири. Однако это не входило в задачи русских, они стремились лишь добиться признания подданства царю, то есть Российскому государству. Уход кыргызов в начале XVIII в., как и откочевка бурят из Предбайкалья в Монголию в 1658 г., воспринимался русским правительством как провал своей политики в этих регионах [Сборник документов... 1960: № 63, 64]. В последнем случае приказчик Братского и Балаганского острогов Иван Похабов, проявивший большую жестокость по отношению к бурятскому населению, как, впрочем, и к русскому, был отдан под суд. Этому в немалой степени способствовала поданная царю Алексею Михайловичу от значительной части населения Предбайкалья жалоба о бесчинствах Похабова [Окладников 1937: 98–122]. Его отстранение от власти во многом улучшило положение в регионе, и значительная часть бурятского населения со временем вернулась на породные земли.

В отечественной литературе прочно утвердилось мнение, что забота о коренном населении Сибири, проявляемая московскими правителями, была обусловлена только стремлением получить в ясак максимальное количество пушнины, являющейся в то время по сути эквивалентом золота. С этим нельзя согласиться безоговорочно, доходы с вновь осваиваемых земель усиливали экономическую мощь государства. И это было главной задачей русской власти. Коренное население Сибири она считала подданными государства, возлагая на него обязанности и предоставляя ему права, что являлось зало-

гом устойчивости и государства, и будущей империи. Многочисленные царские грамоты и указы, направляемые сибирским воеводам, а также воеводские наказные памяти приказчикам острогов свидетельствуют о постоянном контроле за выполнением основной политической установки относительно взаимоотношений с коренным населением. В 1630 г. сотник Петр Бекетов получает от воеводы Енисейского острога Семена Шеховского наказ идти с отрядом в 30 человек в земли тунгусов и бурят с целью уговорить их принять российское подданство. В наказном листе говорилось: «И как тех земель князцы и лутчие люди учинятца под государскую высокую рукою и учнут приходить в острожек <...> их велено поить и кормить довольно и государево жалованье давать олово и одекую и государево жалованное слово сказывати и отпускати их в свои земли, чтобы оне видя к себе государскую милость и иным многим землицам росказывали и ко государской милости в острожек з государевым ясаком призывали» [СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 127].

Это был основной принцип государственной колониальной политики России в Сибири. Первый шаг — мирный призыв к вхождению в состав государства. Если он оказывался удачным, следовали наказания всячески оберегать новых подданных, строго следуя законам об обложении ясаком: «И будучи Воин на Лене и на иных реках в новоприскных землиц, которые учинились государю послушны, учнет на государя имати ясак с жесточью, или учнет тех новых землиц ясачным людем насильства какие чинить, или на себя с них мяхкую рхлять имати, или служилым людем имати велит <...> и Воину от государя царя и великого князя Михаила Федоровича всея Руси за то быти в великой опале и в казни» [Миллер 2005б: 204].

Если же мирные переговоры не удавались и ясак отказывались платить, следовал иной наказ: «А которые брацкие князцы и их улусные люди учинятца государю сильны и непокорны и ясаку с себя дасть не станут, и тех брацких людей велено по царскому указу и по наказной памяти <...> ходить войною» [Сборник документов... 1960: № 30].

Подобная стратегия была характерна и для монголов эпохи Чингисхана. Она являлась основой строительства евразийских империй,

целью которого было приобретение и пространства, и подданных.

На протяжении XVII–XVIII вв. **коренные народы Сибири** в большинстве своем сохраняли свои земли, тип хозяйства и образ жизни, что было закреплено в Соборном уложении 1649 г. и подтверждалось многочисленными царскими указами [Федоров 1978: 13–20]. Что касается механизмов адаптации, то русским не приходилось приспособливаться к пространству Сибири в той степени, как европейцам в Новом Свете. И климат, и природа, и значительная часть коренных народов были хорошо им известны. Более того, «туранский» компонент русского менталитета во многом способствовал установлению взаимопонимания между колонистами и большинством местного населения. В то же время появление русских в определенной степени «взорвало» этническое поле сибирского региона, что привело к возникновению значительных этногенетических процессов внутри коренных этносов [Павлинская 2008: 245–247].

Особый характер носила испанская колонизация — во многом уникальное явление. С одной стороны, конкистадоры «прославили» себя чудовищной жестокостью, с другой, как отмечают все исследователи, — испанцам не была присуща расовая нетерпимость. Огнем и мечом прошли испанцы по Вест-Индии, Центральной и Южной Америке. Их пребывание, например, на островах Вест-Индии привело к тому, что за несколько десятилетий подавляющая часть коренного населения была обращена в рабство и уничтожена в результате тяжелого труда, эпидемий и подавления их мятежей [Фостер 1955: 51]. Один из эпизодов карательной экспедиции на Гаити описывает испанский священник Бартоломе де Лас Касас (1474–1566), который провел в испанской Америке почти 50 лет: «Когда же они (индейцы. — Л. П.) ушли в горы, отряды испанцев отправились охотиться за ними и, застигнув их с женами и детьми, не зная никакой жалости, расправлялись с мужчинами и женщинами, детьми и стариками так, как режут и убивают ягнят на бойне. <...> На многих индейцах они пробовали остроту своих мечей и соревновались между собой, у кого меч самый острый или рука самая сильная, и разрубали человека надвое или одним ударом сносили ему голову с плеч и бились по этому поводу об заклад. <...> Испанцы собрали 600 или 700 пленных, загнали их в один дом и там всех до единого перерезали

<...>. Так были отомщены те восемь христиан, которых незадолго до этого индейцы убили, имея на это столь законные основания» [Лас Касас 1968: 62].

Особенно сильно пострадало население Вест-Индии, с которой началась испанская колонизация, о чем красноречиво свидетельствует объемный труд Лас Касаса, представляющий собой уникальный источник по ее истории первой половины XVI в. Автор сообщает, что на островах Пуэрто-Рико и Ямайке к моменту появления испанцев (1509) насчитывалось около 600 тыс. коренного населения, но к 1542 г. его осталось не более 400 человек [Мирошевский 1946: 41]. По другим данным, на Кубе численность индейцев составляла около 300 тыс., на Гаити — 250 тыс. За первые десятилетия пребывания здесь испанцев значительная часть этого населения исчезла. На Багамских островах оно было полностью уничтожено [Фостер 1955: 51]. Конечно, сведения о численности коренного населения Америки к моменту появления испанцев очень противоречивы, и даже если приведенные сведения несколько преувеличены, чудовищный ущерб, нанесенный ему испанцами, признается всеми исследователями [Гонионский 1974: 9–10].

В то же время испанские колонисты, основную часть которых составляли мужчины, легко вступали в контакты с индианками. Считается, что в значительной степени этому способствовал правительственный запрет на выезд в колонии незамужних испанок [Нитобург 1974: 129]. Более того, с расширением христианизации коренного населения появлялись и законные смешанные браки, хотя их количество и не было значительным. Дети от этих браков наследовали имущество отца и постепенно образовывали прослойку ремесленников и мелких земельных собственников [Штейнбаум 1984: 29–32; Помбу 1962: 120–126]. Отсутствие расовой нетерпимости оказалось важной особенностью испанского менталитета, способствующей развитию интенсивных этнообразовательных процессов во всех частях испанских владений в Америке. Более того, в них было вовлечено не только коренное население, но и представители африканского континента, ввезенные в колонии в качестве рабов [Мирошевский 1946: 36; Штейнбаум 1984: 44–46]. Аналогичные процессы развивались и в португальских колониях на территории нынешней Бразилии [Котовская 1985: 31–36].

Здесь важно отметить одну черту испанской колонизации — появление в колониях особой социально-этнической прослойки креолов — представителей последующих поколений испанцев, родившихся на территории Америки. Они занимали более низкое положение в социальной стратификации колониального общества, чем испанцы, прибывавшие из метрополии на несколько лет в качестве чиновников высокого ранга [Мирошевский 1946: 33–35]. Именно креолы определили основное направление развития этногенетических процессов в испанских колониальных владениях, так как, будучи оттесненными в социальном и культурном отношении представителями метрополии на второй план, становились все более открытыми к контактам и с индейским, и с африканским населением региона.

Как представляется, определенную роль в становлении стереотипов поведения испанцев, проявившихся при колонизации Америки, сыграл период завоевания Испании маврами (арабами и берберам) и борьбы за независимость (Реконкисты), которая полностью завершилась в год первой экспедиции Христофора Колумба [Ведюшкин 1993: 228]. Рискну предположить, что опыт трудных длительных контактов с кардинально иной культурой выработал в сознании испанцев некое двойственное отношение к «чужому». Он порождал, с одной стороны, «мстительность» за поражение и угнетение, испытываемые в течение нескольких веков от «азиатского нашествия», что явилось причиной жестокости к чужой расе в американских колониальных владениях. Отсюда, по всей видимости, проистекает и фанатичное стремление испанцев утвердить христианскую веру среди коренного населения своих колоний, подкрепленное предшествующей сильной позицией ислама в своей стране. С другой — ощущение некоего родства с иноэтничной мавританской культурой, глубоко проникшее в сознание испанцев, сыграло определенную роль в формировании менталитета народа, выработав у него отсутствие расовой и национальной нетерпимости, что проявилось в их взаимоотношениях с коренным населением колоний.

Немаловажное значение в формировании особенностей испанского менталитета имеет этническая история страны. На территорию Испании на протяжении длительного времени постоянно

вторгались разнообразные этнические общности. Ее иберийское население в начале I тыс. до н.э. подверглось нашествию кельтов с севера. В V–IV вв. до н.э. на Пиренейском полуострове появились колонии Греции и Карфагена. После третьей Пунической войны (146–142) Испания вошла в состав Римской империи, став, пожалуй, самой богатой ее провинцией [История Испании... 2012: 82–90]. В V–VI вв. она подвергается нашествию вестготов, а уже с начала VIII в. в Испанию стремительно продвигаются мавры [Там же: 98–106, 123 и сл.]. Каждая из этих разнообразных по этническому составу волн вызывала очередной всплеск этногенетических и этнокультурных процессов, в которых происходило постепенное становление испанского этноса.

Этническая история средневековой Испании, развивающаяся в постоянном взаимодействии столь разных этнических общностей, во многом объясняет характер колонизации Центральной и Южной Америки, в процессе которой коренное население было включено в этногенетические и этнокультурные процессы, что привело к появлению на исторической арене целого ряда новых народов. С достаточной долей уверенности можно утверждать, что продолжавшиеся на протяжении двух тысячелетий столь разнообразные этнокультурные контакты населения Пиренейского полуострова с вливающимися в него все новыми иноэтничными потоками к XV в. выработали в сознании испанцев определенную толерантность по отношению к расовым и культурным различиям. Что касается жестокости, проявленной испанцами по отношению к коренному населению их колоний в Новом Свете, то определенную роль здесь сыграла жесткая позиция Римской церкви в отношении «язычества», которая в тот период вела активную борьбу за господство не только в Европе, но и в мире [URL: www.fatheralexander.org].

Этническая история Испании в какой-то степени сходна с историей и Древней Руси, и Московии. В обоих случаях территории представляли собой этногенетические «котлы», в которых на протяжении многих веков проходила переплавка разных этнических общностей. При этом на каждом этапе возникала высокая, блестящая культура, что свидетельствует об органичности процессов этногенеза. Возвращаясь к Великобритании, следует отметить, что ее

история с V по XI в. развивалась главным образом в этническом поле германских народов, а далее — уже в собственном островном «котле», без каких-либо новых значимых этнических компонентов.

Итак, наиболее существенным процессом в этнической истории испанских колоний Нового Света являлась широкая метисация, охватившая все три расовые группы населения — испанцев, индейцев и негров, вывозимых из Африки в качестве рабов. Таким образом, на большей части испанских колоний образовались три смешанные группы — метисы (от браков белых с индейцами), мулаты (от браков белых и негров) и сампо (*арген.*) (группа от браков индейцев и негров) [Штейнбаум 1984: 47]. В каждом регионе испанских колоний процесс метисации носил неповторимый характер, и тем не менее на всем этом пространстве именно он лежал в основе этногенеза новых народов. Однако метисация сопровождалась и уничтожением индейского населения, и лишением его исконных земель, и принудительными работами в рудниках и на плантациях. Все это приводило к сильному смешению коренного населения, разрушению как его этнической целостности, так и традиционной социальной структуры.

Важной особенностью этих сложных этногенетических и этнокультурных процессов являлся тот факт, что на протяжении второй половины XVI и первой половины XVII в. метисам и сампо запрещалось жить среди индейцев, их принуждали проживать в испанских поселениях или при католических монастырях [Там же: 30–31]. То есть политика Испании была ориентирована на широкую ассимиляцию коренного населения своих колоний. Однако для ассимиляции цветного населения численность белого была недостаточной. Например, в вице-королевстве Рио-де-ла-Плата (будущие Аргентина, Парагвай, Уругвай и Боливия) даже в конце XVIII в. белое население составляло 38 %, в то время как цветное — 62 %. В начале этого столетия в провинциях Парагвай, Ла-Плата и Тукуман из 600 тыс. населения белые составляли только 3 тыс., индейцев насчитывалось 530 тыс., метисов — 50 тыс., мулатов — 10 тыс., а негров — 7 тыс. [Там же: 45]. Принуждение метисов и сампо к проживанию среди испанцев только расширяло метисацию, закладывая основу глубинных этногенетических и этнокультурных процессов. Вторая причи-

на усиления метисации населения испанских колоний — крупные частные землевладения, образующиеся за счет отторжения индейских территорий. Это приводило к тому, что одна часть коренного населения уходила в другие, еще незанятые испанцами районы, другая погибала в борьбе за свои земли, третья уводилась на принудительные работы в рудники и на плантации, а четвертая перебиралась в испанские города и поселения [Котовская 1985: 30–35].

Следует отметить, что сходная ситуация наблюдалась и в португальских колониях Южной Америки (будущей Бразилии), хотя она имела свои особенности. Здесь колонизация началась в XVI в., и на начальном ее этапе в отношениях между португальцами и индейцами племени *тупинамба*, населявшими Атлантическое побережье, преобладали дружеские отношения. Вот как, согласно документам, характеризует одну из первых колоний в заливе Тодус-ус-Сантус бразильский историк Роша Помбу: «Пользуясь отличными отношениями с индейцами, колонисты стали расселяться вдоль обширного извилистого побережья и в близлежащих местностях. <...> С первых дней союз представителей двух рас казался здесь полным и окончательным. Некоторые португальцы, только что прибывшие сюда, женились на туземных девушках, а все те, кто уже давно находился здесь, были связаны с семьями туземцев и тем облегчали существование двух различных расовых элементов» [Помбу 1962: 77]. В целом Р. Помбу в своей монографии «История Бразилии» во многом идеализирует португальскую колонизацию. Описывая развитие городов, поселений, строительство дорог и возникновение крупных частных землевладений (*экомьендо*), он замалчивает тот факт, что все это возводилось на землях коренного населения, которое далеко не всегда уступало их мирным путем и которое постепенно вытеснялось со своих территорий. Правда, иногда он все же отмечает частые индейские набеги, в которых участвовали и метисы (*мамелюки/кабоккло/кафузо*) [Там же: 90].

Таким образом, в португальских владениях процессы контактов «дикости и цивилизации» были схожи с теми, что происходили в испанских колониях. Развивающееся здесь крупное частное землевладение, города и поселения, дороги, с одной стороны, лишали коренное население исконного «месторазвития», с другой — приво-

дили к военным столкновениям, которые постоянно сокращали его численность. Так же как в испанских колониях, португальцы широко использовали индейцев для работ в своих сельскохозяйственных владениях, которые тоже являлись очагом метисации, но колонизаторам не была свойственна чудовищная жестокость [Котовская 1985: 48].

Роша Помбу одним из первых отметил отличие английской и португальской колонизаций, которое также относится и к испанской. «Одной из наиболее труднорешимых для колонизации проблемой была проблема отношений пришельцев с туземцами. Пришельцам предстояло уничтожить или оттеснить местное население, как это делали на севере англосаксы, или же вступить в союз с ними. Но как же можно было оттеснить или уничтожить их, не святотатствуя и не создавая при этом для будущего еще более сложной проблемы? А с другой стороны, как можно было образовать союз представителей двух рас при наличии столь резких и глубоких культурных различий?

Так выглядела для нас эта проблема. Отказавшись от английского способа колонизации в Соединенных Штатах, мы должны были подойти к решению вопроса с другой стороны: мы пошли на союз» [Помбу 1962: 80].

Конечно, «союз» между португальцами и индейцами имел, как и в испанских колониях, сложный и весьма трагический характер, однако отсутствие расовых предрассудков, ставшее основой широкой и разносторонней метисации, привело к возникновению этногенетических процессов, в результате которых появились новые народы с яркой и самобытной культурой. Правда, эта культура и сегодня не является однородной, в ней присутствуют три компонента: португальский, метисный и негритянско-мулатский, но в каждый из них органично вплетены важнейшие черты двух других компонентов [Котовская 1985: 110–120].

Процессы метисации сопровождали и всю колонизацию Сибири, но здесь она носила, как можно выразиться, государственный характер. В 1644 г. он на определенное время закрепляется особой грамотой Михаила Федоровича, которая гласила: «... и крещеный ясирь (пленных. — Л. П.), мужеской пол, велено верстать на служ-

бу, кто в какую статью пригодится, а некрещеных татар и остяков строить в ясак, а жонки и девки отдавать отцом и матерям, и мужьям, и роду, и племени, а крещеных девок и жонок велено выдавать замуж за служивых людей, за кого пригоже...» Через пять лет, в 1649 г., уже Алексей Михайлович, ссылаясь на указ отца, направляет в Енисейский острог грамоту с таким же содержанием: «...верстать крещеных мужеской пол в службу, а жонок и девок выдавать за служилых людей и за пашенных крестьян, а некрещеных строить в ясак» [ДАИ. Т. III. № 62: 323–324]. В этом этнокультурном взаимодействии происходило становление как самого русского этноса, формирование его мировоззрения и этнической психологии, так и коренных народов обширного Сибирского региона. Однако метисация на территории Сибири имела разительное отличие от подобных процессов в испанских колониях. Дело в том, что дети от законных браков вливались в русский этнос, в то время как при незаконных браках, количество которых было значительно больше, они оставались в материнском этносе и укрепляли его, что было возможно только при условии сохранения за коренными народами исконной территории расселения и традиционной культуры. Все это свидетельствует о том, что русские не воспринимали метисов как нечто «чужое», инородное, вызывающее определенное отторжение. Метисация сыграла важную роль в увеличении численности как пришлого, так и коренного населения Сибири [Любавский 1996: 462–469]. Это опровергает появившиеся в последние годы утверждения некоторых исследователей, что политика Москвы была направлена на ассимиляцию коренных сибирских народов.

Право коренных этносов Сибири на землю является одной из важных особенностей русской колонизации, выделяющей ее из всех европейских колонизаций Нового времени. Впервые оно было зафиксировано в основном правовом документе Московского государства — Соборном уложении 1649 г. Этот свод включал несколько статей, относящихся к ясачному населению всех регионов, входящих в состав государства, и распространял их действие на будущие земли. Так, в XVI главе Уложения «О поместных землях» (ст. 43) было записано, что под страхом «от государя быть в опале» русским запрещалось покупать, менять, закладывать, сдавать в наем какие-

либо земли, принадлежащие ясачным, то есть подданным государства [Соборное уложение 1961: 188].

Это уникальное явление в колонизации Нового времени сыграло основополагающую роль в становлении многонациональной Российской империи и во многом способствовало ее стабильности на протяжении почти четырех столетий. Сохранив за коренными народами их земли и на очень длительное время ХКТ, Москва дала им возможность дальнейшего развития и постепенного встраивания в систему государства. Более того, появление русских в Сибири и их широкое этнокультурное взаимодействие с местным населением спровоцировало мощные этногенетические процессы в его среде, что способствовало постепенному росту его численности и внутренней консолидации этнической целостности большинства коренных этносов. В результате русской колонизации этническая карта Сибири, хотя и претерпела определенные изменения, тем не менее, сохранила основной состав народов [Долгих 1960].

Другими принципиальными отличиями русской колонизации Сибири были: 1) единая система административно-территориального управления, являвшаяся естественным продолжением устройства Московского государства; 2) статус сибирских земель как государственных; 3) юридическое закрепление прав и обязанностей коренного населения.

Основной единицей административно-территориальной системы, как и в европейской части государства, являлся уезд, оформление которого менялось во времени по мере продвижения русских в пространства Сибири. Вновь занятые земли присоединялись сначала к уже существующему уезду, а по мере расширения территории на его окраине создавали новую административную единицу. В силу этого границы вновь возникающих уездов часто были достаточно условны, что вызывало немало конфликтов, главным образом, прав на сбор ясака между различными острогами. Центром уезда был город или острог, в которых находилась администрация уезда. Размеры уездов, правда, сильно отличались друг от друга, что было связано прежде всего с природно-ландшафтными условиями сибирского пространства.

Семнадцать из двадцати сибирских уездов в XVII в. располагались в лесостепной, степной и южно-таежной зонах. Все остальное

пространство сибирской тайги и тундры «вмещалось» в три уезда, которые по своим размерам почти в четыре раза превышали остальные [Долгих 1960: 17–19]. Это объясняется тем значением лесостепи и прилегающих к ней степных и южно-таежных пространств, которые эта область Сибири занимала в государственном строительстве и экономике. Для Московской Руси лесостепной пояс Сибири явился прежде всего естественной природной нишей, которая позволила приступить к созданию многонациональной державы. Здесь русские смогли развить свой тип хозяйства (земледелие и животноводство), сосредоточить значительную часть русского населения, заложить прочную основу своей культуры и государственности. Именно здесь сконцентрировались основные административные центры Российского государства в Сибири и, следовательно, вся система государственной власти, здесь развивались и сельская, и городская культуры, образуя основной хребет русской государственности. Таежные и тундровые пространства Сибири вплоть до XX в. оставались вне сферы интенсивного экономического и культурного влияния русских. Эти регионы, за исключением речных долин, являлись приоритетными для автохтонного сибирского населения, поэтому, установив здесь политическое господство и умело подключив к управлению местные властные структуры, Москва не испытывала необходимости выстраивать здесь собственный разветвленный административный аппарат, вследствие чего не возникало потребности в устройении большого числа уездов как административно-территориальных единиц.

В то же время внутренняя административная структура уездов отличалась четкостью. Как и в европейской части империи, его основной единицей была волость. Более того, это была единая система как для русского, так и для коренного, так называемого ясачного, населения [Там же: 24]. Во главе уездов находились воеводы, остроги уездов с приписанными к ним волостями управлялись приказчиками, подчиняющимися властям уезда. Установленное управление требовало создания специального верховного учреждения власти, каким явился Сибирский приказ (1637) [История Сибири 1968: 124].

Территория Сибири была узаконена как «царская вотчина», что определяется историками как право царя на все ее земли и доходы [Федоров 1978: 13]. Однако эта трактовка «царской собственности» на столь огромное пространство и, кроме того, на весь ясак, поступающий в «царскую казну», представляется не совсем корректной. Царь, а позднее император, помазанники Божии на престол, в православной России олицетворяли собой государство. Поэтому не следует буквально понимать термины «царская вотчина», «царская казна» как личные владения и доходы государя, о чем упоминается в некоторых научных работах. Фактически это означало государственную собственность, а выражение «привести под высокую государеву руку» имело смысл «войти в состав государства», так же как и значение «шерти», которая, хотя и принималась на верность царю, фактически означала верность государству.

Все это проявляется и в том, что все основные расходы по колонизации Сибири (как и других регионов) несло государство: содержание военных отрядов, административного аппарата, строительство острогов и городов, развитие крестьянских хозяйств и многое другое. Более того, ее население привлекалось на различные виды работ главным образом только по обустройству создаваемой государством инфраструктуры. В данном случае имеются в виду принципы освоения Сибири, а не их нарушения, которых, безусловно, было достаточно. Частный капитал в XVII–XVIII вв. финансировал в основном только пушной промысел [Любавский 1996: 457].

В то же время для формирования административной системы Сибири были характерны свои особенности, обусловленные обширностью ее территории и удаленностью от Москвы. В связи с этим в Сибири был учрежден свой, как бы промежуточный, административный центр, получающий основные указы из столицы, которому подчинялись все местные органы власти. Резиденцией верховных сибирских воевод стал основанный в 1587 г. Тобольск. Тобольский наместник возглавлял так называемый «разряд» — крупный округ, состоящий из нескольких уездных воеводств. Он обладал значительно большими полномочиями, чем его коллеги в европейской части государства, в частности правом на ведение дипломатических переговоров и разрешение торговли с сопредельными государства-

ми, исполнение судебных и таможенных функций [История Сибири 1968: 126–129].

На формирование системы управления Сибирью также повлияли особенности заселения края. С одной стороны, Сибирь заселялась служилыми людьми, выполнявшими широкие задачи государственного управления, «объясачивания», подавления сопротивления, обороны границ, с другой стороны, за Урал переводились крестьяне, что предполагало создание прочной экономической базы для развития этого обширного региона Российского государства. Крестьяне образовывали сельские и посадские сообщества, отличные от российских, так как не соответствовали традиционной общине и не состояли в крепостной зависимости. Посадское самоуправление практически отсутствовало, а администрация посада, по существу, выполняла функции низших полицейских инстанций [Там же].

Отсутствовало в Сибири и организованное дворянство. Представители княжеских и боярских родов, посылаемые на воеводство, по окончании службы возвращались «на Русь». Соответственно не могли сложиться необходимые условия для формирования представительных дворянских органов, составляющих основу местного управления в европейской России. Поэтому местная власть формировалась из контингента нетрадиционных для России слоев населения — из купцов, промышленников, иногда крестьян. В Сибири не было крепостного права, и все крестьянское население являлось «казенным», то есть государственным. Более того, все учреждения в Сибири в XVII — первой половине XIX в. были в основном государственными.

Для управления сибирскими землями была разработана особая система нормативных актов, которая включала: **наказ воеводе**, который направлялся от имени царя вновь назначенному воеводе и определял не только его полномочия, но и деятельность всех органов местной государственной власти на срок от трех до пяти лет; **грамота воеводе** — направлялась действующему воеводе в связи с конкретным событием; **указ** — устанавливал правовые нормы в политической и социально-экономической сферах жизни и имел силу закона [Федоров 1978: 14]. Таким образом, разработанные акты четко регулировали всю деятельность сибирской администра-

ции, определяя границы ее полномочий и удерживая в рамках общегосударственной политики. Все вышеизложенное свидетельствует, что Сибирь, конечно, оценивалась как дальняя периферия, но тем не менее являлась неотъемлемой частью Российского государства.

Административно-территориальная структура английских колоний в Северной Америке оформилась только к 30-м годам XVIII в. Причиной этого послужила очень сложная и к тому же не единая территориальная система метрополии, которая возникла в эпоху Средневековья в результате двух разных вторжений — англо-саксов и норманнов [Савело 1977: 123]. В колониях была принята упрощенная система центральной Англии, которая существенно отличалась от системы управления Шотландии, Ирландии и Уэльса. По мере образования нескольких поселков они объединялись в так называемую наименьшую административную единицу *hundred* (сотня). При расширении территории и образовании нескольких *hundreds* провозглашалось графство.

Первые английские колонии (которых было 13) существовали независимо друг от друга. Этому способствовало то обстоятельство, что они делились на три типа: частные, корпоративные и королевские (или акционерные). Частные колонии появились в результате королевских дарений крупных земельных наделов некоторым представителям английской знати. Эти колонии фактически представляли собой феодальные владения. Так, в 1632 г. Карл I подарил Мэриленд лорду Балтимору, который, согласно дарованной ему хартии, имел право объявлять войну, заключать мир, назначать чиновников, миловать преступников и жаловать титулы [Слезкин 1980: 274]. Позднее частным владением стала Каролина — захваченная у голландцев колония Новый Амстердам. Она была предоставлена брату короля, герцогу Йоркскому, который переименовал ее в Нью-Йорк. Южную часть своих владений — Нью-Джерси — герцог передал другим владельцам. Хозяином Пенсильвании стал лорд-квакер У. Пенн, отец которого имел большие заслуги перед короной [Фостер 1955: 78; Слезкин 1980: 274].

В частных колониях земля находилась в пожизненном владении хозяина, не подлежала отчуждению или изъятию за долги и сдавалась в аренду с фиксированной рентой [Война за независимость... 1976: 46–47].

Корпоративные колонии (Массачусетс, Коннектикут, Род-Айленд), по сути, также были частными, но здесь было много собственников. «В течение XVII в. земля в корпоративных колониях предоставлялась королем главным образом организованным группам переселенцев — корпорациям или общинам <...>. Оставляя часть земли для общего пользования (пастбища, леса и т.п.), остальную землю поселенцы делили между собой на сравнительно небольшие участки. Например, в округе Дорчестер (Массачусетс) в 1638 г. на одну семью в среднем приходилось по 10 акров. <...> в округе Хартфорд (Коннектикут) на 1640 г. средний размер земельных владений составлял 27 акров³» [Там же: 49].

Королевские колонии принадлежали акционерным компаниям и находились под непосредственным контролем короля. Это были в основном южные колонии с плантационным типом хозяйства — территория, где зарождалась местная аристократия, противостояние которой буржуазии Севера впоследствии привело к Гражданской войне (1861–1865) [Там же].

Различалось и управление колониями. В королевских были созданы советы по управлению, но они фактически полностью зависели от владельца. В корпоративных действовали выборные законодательные собрания, в которые входили представители наиболее состоятельных слоев населения. Такие же собрания присутствовали в королевских колониях, но возглавлялись они губернаторами, назначаемыми Тайным советом при короле Британии и утверждаемыми им. Общие дела колоний сначала находились под непосредственным контролем английского короля и Тайного совета, а с 1696 г. — специального Совета лордов торговли и плантаций. В 1768 г. был создан специальный Государственный совет по делам Америк, подчинявшийся парламенту [Там же: 98–106]. Таким образом, административно-территориальное управление английских колоний в Северной Америке не имело единого принципа и представляло собой весьма разветвленную и сложную систему, не соответствующую системе метрополии.

Английская колонизация Америки, как, впрочем, и многих других регионов, была построена исключительно на частном капитале.

---

³ 1 акр равен 0,4 гектара.

Важную роль в этом играли различные торговые компании (Плимутская, Лондонская, Массачусетская), созданные как акционерные общества, а также индивидуальные средства богатых граждан Великобритании. Важно отметить, что и само заселение Америки носило частный характер, колонисты, за исключением преступников, сами оплачивали проезд и обустройство на новых землях или выплачивали их стоимость компаниям, организовавшим их путешествие в Новый Свет.

Английские владения в Америке в XVII–XVIII вв. отличались друг от друга по характеру освоения. Самые северные колонии (Новая Англия) в основном заселяли пуритане в поисках религиозной свободы. Именно в этой части Америки начинают развиваться торговля и предпринимательство. Южные штаты стали оплотом развития сельского хозяйства плантационного типа и рабовладения, что приводило к быстрому обогащению белого населения, а также сыграло важную роль в создании внутреннего рынка. И наконец, среднеатлантические колонии занимают важное место в развитии торговли, промысловой деятельности и промышленного производства. Именно сюда стекалось население со всей Европы — англичане-католики, немцы, голландцы, шведы, поляки и др. [История США 1983: 71]. Естественно предположить, что именно здесь закладывались основы будущей американской нации и американского национального менталитета.

Промежуточное положение занимает система управления колониями Испании. В ней удивительным образом сочетались стремление к жесткому контролю, призванному удержать колонии в составе государства, и частный характер экономического развития.

Испанская Америка управлялась Королевским высшим советом по делам Индий, решения которого утверждались непосредственно испанским монархом. Территория испанских владений делилась на четыре вице-королевства (Новая Испания, Новая Гранада, Перу, Рио-де-ла-Плата) во главе с вице-королями и четыре генерал-капитанства (Гватемала, Санто-Доминго, Венесуэла и Чили) во главе с генерал-капитанами. Формально генерал-капитанства входили в состав вице-королевства, но фактически находились под непосредственным управлением мадридского двора. Вице-королевства и генерал-капитанства, в свою очередь, включали в свой состав гу-

бернаторства, меньшие административные единицы, управляемые губернаторами, которые назначались вице-королями и утверждались в Мадриде [Мирошевский 1946].

«Становым хребтом» административной и судебной системы в испанских колониях была *аудиенсия*, которая являлась высшей судебной инстанцией в колониях. Вместе с территорией, подпадавшей под ее юрисдикцию, аудиенсия образовывала самостоятельную единицу, совпадавшую с тем или иным генерал-капитанством. В одних случаях президенты аудиенсий непосредственно подчинялись вице-королю, а отдаленные генерал-капитанства управлялись самостоятельно президентами аудиенсий, являвшихся одновременно генерал-капитанами или губернаторами своих владений. Аудиенсия одновременно обладала совещательными функциями при вице-короле, но ее право сношения с монархом через голову вице-короля превращало ее в действенный инструмент контроля высшего колониального аппарата со стороны правительства метрополии.

Всеобщая частная собственность на землю обуславливала широкий спектр землевладений. Существовали владения, пожалованные королем, также вице-королями и даже генерал-губернаторами. Их размеры колебались — от колоссальных поместий до небольших наделов.

В этом испанская колонизация была подобна английской, но этим они кардинально отличались от русской колонизации Сибири, где землей из государственного фонда фактически обеспечивалось в первую очередь крестьянство, получавшее наделы исключительно для сельскохозяйственного использования.

Итак, в настоящей статье предпринята попытка анализа некоторых процессов колонизации Сибири и территории Нового Света. Основная идея состояла в определении особенностей русской колонизации и ее отличий от колонизации европейских государств. Выше было отмечено, что это обширная тема, требующая монографического исследования. А задача данной статьи — привлечь внимание этнологов и историков к данной проблеме, так как в последние годы ее исследование было направлено главным образом на поиск сходства колониационных процессов в Северной Азии и Америке. Однако, как показывает материал, в них было значительно больше различий, чем аналогий. Это представляется важным для понима-

ния истории России и актуальным на современном этапе, учитывая, как справедливо отметил А. Д. Агеев, что фронтир приобрел совершенно новую форму — контакта атлантизма и евразийства, охватившего все планетарное пространство. В этом плане особое значение приобретает исторический опыт сибирского фронта, изучение которого в методическом ключе Ф. Дж. Тернера пока практически не начиналось.

На фоне европейской колонизации Нового Света (как и других регионов мира) русская колонизация Сибири представляет собой уникальное явление. Ее особенность обусловлена прежде всего спецификой самой территории Heartland'a, «срединной земли», Евразии–России, сущность которой заключалась в единстве ее исторического развития, генетическом родстве многих ее народов, характере русского менталитета, наследовании культурных традиций. Все это определило особый, евразийский, тип колонизации, при котором колонизированные земли с населяющими их народами естественным образом входят в состав государства в качестве ближней или дальней периферии, но всегда являются неотъемлемой частью единого целого.

В заключение хотелось бы обратить внимание на то, что колонизация Нового времени имеет одну общую черту, которая объединяет Европу и Россию, — продвижение русских в Сибирь и европейцев в пределы Америки, Африки, Южной и Юго-Восточной Азии началось в одно и то же время. Но это тема другого исследования, в основе которого лежит теория этногенеза Льва Николаевича Гумилева.

Источники

ДАИ — Дополнения к Актам историческим. СПб., 1848. Т. III.

СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22.

Сборник документов... 1960 — Сборник документов по истории Бурятии. XVII в. Улан-Удэ, 1960. Вып. I.

Библиография

Агеев 2005 — *Агеев А. Д.* Сибирь и американский Запад: движение фронтиров. Новосибирск, 2005.

Акимов 2010 — *Акимов Ю. Г.* Северная Америка и Сибирь в конце XVI — середине XVIII в. Очерк сравнительной истории колонизаций. СПб., 2010.

Алексеев и др. 2004 — *Алексеев В. В., Алексеева Е. В., Зубков К. И., Побережников И. В.* Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике XVI–XX вв. М., 2004.

Бахрушин 1935 — *Бахрушин С. В.* Остяцкие и вогульские княжества XVI–XVII вв. Л., 1935.

Бейклесс 1969 — *Бейклесс Дж.* Америка глазами первооткрывателей. М., 1969.

Блэр 2008 — *Блэр Д.* Англосаксонский период (около 440–1066) // История Великобритании / под ред. Кеннета О. Моргана. М., 2008. С. 41–74.

Бояршинова 1957 — *Бояршинова З. Я.* К вопросу о присоединении Западной Сибири к Русскому государству // Тр. Томского гос. ун-та. Томск, 1957. Т. 136. С. 147–156.

Ведюшкин 1993 — *Ведюшкин В. А.* Страны Пиренейского полуострова // История Европы. М., 1993. Т. 3. С. 228–237.

Война за независимость 1976 — Война за независимость и образование США / под ред. Г. Н. Севостьянова. М., 1976.

Гиллинхэм 2008 — *Гиллинхэм Д.* Раннее Средневековье (1066–1290) // История Великобритании / под ред. Кеннета О. Моргана. М., 2008. С. 75–116.

Гонионский 1974 — *Гонионский С. А.* Введение // Национальные процессы в Центральной Америке и Мексике. М., 1974. С. 3–48.

Гриффитс 2008 — *Гриффитс Р. Э.* Позднее Средневековье (1290–1485) // История Великобритании / под ред. Кеннета О. Моргана. М., 2008. С. 142–151.

Гумилев 1990а — *Гумилев Л. Н.* География этноса в исторический период. Л., 1990.

Гумилев 1990б — *Гумилев Л. Н.* Этногенез и биосфера Земли. Л., 1990.

Гумилев 1992 — *Гумилев Л. Н.* От Руси до России. СПб., 1992.

Долгих 1960 — *Долгих Б. О.* Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. // ТИЭ. Новая серия. М., 1960. Т. LV.

Драбкина 1930 — *Драбкина Е. Л.* Национальный и колониальный вопрос в царской России. М., 1930.

Дугин 1999 — *Дугин А.* Преодоление Запада // Трубецкой Н. Наследие Чингисхана. М., 1999. С. 5–25.

Исаев 1992 — *Исаев И. А.* Утописты лил провидцы? // Пути Евразии. М., 1992. С. 2–26.

История Испании 2012 — История Испании. С древнейших времен до конца XVII в. / под ред. В. А. Ведюшкина, Г. А. Поповой. М., 2012. Т. I.

История Сибири 1968 — История Сибири / под ред. А. П. Окладникова. Л., 1968. Т. II.

История США 1983 — История США: в 4 т. / под ред. Г. Н. Севостьянова. М., 1983. Т. I.

Карамзин 2005 — *Карамзин Н. М.* История Государства Российского. М., 2005. Т. IX.

Картхилль 1926 — *Картхилль А.* Потерянная империя. Почему англичане потеряли Индию. Повесть англо-индийского администратора. Л., 1926.

Ключевский 1997 — *Ключевский В. О.* Русская история. Полный курс лекций: в 3 кн. М., 1997. Кн. 1.

Ковалышкина 2005 — *Ковалышкина Е. П.* «Инородческий вопрос» в Сибири. Концепция государственной политики и областническая мысль. Томск, 2005.

Косвен 1925 — *Косвен М. О.* Якутская республика. М.; Л., 1925.

Котовская 1985 — *Котовская М. Г.* Этнические процессы в Бразилии. М., 1985.

Ланге 1984 — *Ланге П. В.* Великий скиталец. М., 1984.

Лас Касас 1968 — *Лас Касас.* История Индии. Л., 1968.

Лебедев 2002 — *Лебедев Г. С.* Скандобалтика и Русь в историко-культурном процессе раннего Средневековья Европы (VIII–XI вв.) // Европа–Азия. Проблемы этнокультурных контактов. СПб., 2002. С. 7–22.

Лейбович 1876 — *Лейбович Л. И.* Сводная летопись, составленная по всем спискам летописи. М., 1876. Вып. 1: Повесть временных лет.

Любавский 1996 — *Любавский М. К.* Обзор истории русской колонизации. М., 1996.

Ляпушкин 1968 — *Ляпушкин И. И.* Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII — первая половина IX в.) // Историко-археологические очерки. Материалы и исследования по истории СССР. Л., 1968. № 152.

Маккиндер 1995 — *Маккиндер Х. Д.* Географическая ось земли // Полис. М., 1995. № 4. С. 162–169.

Малаховский 1980 — *Малаховский К. В.* История Австралии. М., 1980.

Миллер 2000 — *Миллер Г. Ф.* История Сибири. М., 2000. Т. I.

Миллер 2005а — *Миллер Г. Ф.* История Сибири. М., 2005. Т. II.

Миллер 2005б — *Миллер Г. Ф.* История Сибири. М., 2005. Т. III.

Мирошевский 1946 — *Мирошевский В. М.* Освободительные движения в американских колониях Испании от их завоевания до Войны за независимость (1492–1810 гг.). М.; Л., 1946.

Нитобург 1974 — *Нитобург Э. Л.* Сальвадор. Становление нации // Национальные процессы в Центральной Америке и Мексике. М., 1974. С. 122–179.

Нитобург 1979 — *Нитобург Э. Л.* Негры США (XVII — начало XX в.). Историко-этнографический очерк. М., 1979.

Новикова, Сиземская 1995 — *Новикова Л. И., Сиземская И. Н.* Евразийский искус // Мир России–Евразии. Антология. М., 1995. С. 5–20.

Окладников 1937 — *Окладников А. П.* Очерки из истории западных бурят-монголов (XVII–XVIII вв.). Л., 1937.

Окладников 1951 — *Окладников А. П.* История Бурят-Монгольской АССР. Улан-Удэ, 1951.

Очирова 1994 — *Очирова Т. Н.* Присоединение Сибири как евразийский социокультурный вектор внешней политики Московского государства // Цивилизации и культуры. М., 1994. Вып. I: **Россия и Восток: цивилизационные отношения.** С. 131–151.

Павлинская 2008 — *Павлинская Л. Р.* Буряты. Очерки этнической истории. СПб., 2008.

Паксман 2009 — *Паксман Дж.* Англия. Портрет народа. М., 2009.

Платонов 2013 — *Платонов С. Ф.* Лекции по русской истории. СПб., 2013.

Помбу 1962 — *Помбу Роше.* История Бразилии. М., 1962.

Путешествия 1956 — Путешествия Христофора Колумба. Дневники. Письма. Документы / под ред. М. П. Магидовича. М., 1956.

Пчелов 2004 — *Пчелов Е. В.* Монархи России. М., 2004.

Резун, Шиловский 2005 — *Резун Д. Я., Шиловский М. В.* Сибирь в конце XVI — начале XX в.: **фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов.** Новосибирск, 2005.

Савело 1977 — *Савело К. Ф.* Раннефеодальная Англия. Л., 1977.

Савицкий 1995 — *Савицкий П. Н.* Географический обзор России–Евразии // Мир России–Евразии. М., 1995. С. 219–291.

Сибирское областничество 2001 — Сибирское областничество: Библиографический словарь / гл. ред. С. С. Быкова. Томск, 2001.

Скрынников 1982 — *Скрынников Р. Г.* Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск, 1982.

Слезкин 1980 — *Слезкин Л. Ю.* У истоков американской истории. Массачусетс. Мэриленд. 1630–1642. М., 1980.

Словцов 1995 — *Словцов П. А.* Историческое обозрение Сибири. Новосибирск, 1995.

Соборное уложение 1961 — Соборное уложение 1649 г. Свод законов / М. Н. Тихомиров, П. П. Елифанов. М., 1961.

Сэлзэй 2008 — *Сэлзэй П.* Римская Британия (около 55 г. до н.э. — около 440 г. н.э.) // История Великобритании / под ред. О. Кеннета Моргана. М., 2008. С. 8–40.

Тернер 2009 — *Тернер Ф. Дж.* Фронтир в истории Америки. М., 2009.

Токарев 1940 — Очерки истории якутского народа. М., 1940.

Трубецкой 1999 — *Трубецкой Н. С.* Наследие Чингисхана. М., 1999.

Федоров 1978 — *Федоров М. М.* Правовое положение народов Восточной Сибири (XVII — начало XIX в.). Якутск, 1978.

Фишер 1774 — *Фишер И. Э.* Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. СПб., 1774.

Фостер 1955 — *Фостер У. З.* Очерк политической истории Америки. М., 1955.

Штейнбаум 1984 — *Штейнбаум Л. С.* Аргентинский этнос. Этапы формирования и развития. М., 1984.

Щеглов 1883 — *Щеглов И. В.* Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. Иркутск, 1883.

Ядринцев 1882 — *Ядринцев Н. М.* Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношениях. СПб., 1882.

Интернет-источники

<http://days/pravoslavie.ru>

http://historylib.org/historybooks/antonio-Arribus_ibery-Velikie

<http://ultima-cruzado.livejournal.com.32641.html>

www.chayka.org/node/227

www.fatheralexander.org/bookslets/russian/popets_r/htm